

первый роман из серии
“Ошибки следователя Крыловой”

александр

ГОРСКИЙ

A large white silhouette of a woman walking away from the viewer on a cobblestone street. Inside the silhouette, a smaller silhouette of a man is shown in a crouching or crawling position, holding a small object. The background is a photograph of a city street at night with a building and trees.

НОЧНЫЕ
ТЕНИ

18+

Александр Горский

Ночные тени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67132572

SelfPub; 2022

Аннотация

Виктория Крылова – самый молодой следователь главного следственного управления. Но скидок на возраст и неопытность ждать не приходится, особенно когда речь идет о раскрытии серии жестоких убийств, раз за разом совершающихся под покровом ночи. Но как разоблачить того, кто ухитряется оставаться невидимым для камер наблюдения? Как поймать преступника, не оставляющего никаких следов? И что делать, если дома тебя ждет не меньший клубок проблем, причем, проблем, похоже, совершенно неразрешимых.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	46
Глава 4	68
Глава 5	83
Глава 6	104
Глава 7	132
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Александр Горский

Ночные тени

Глава 1

Среда, 12 мая

Пишут. Все вокруг что-то пишут. Вернее, один, тот, который считает себя самым умным, что-то говорит, а остальные торопливо выводят каракули в тетрадях, пытаюсь сохранить милостиво отсыпанные им крупички мудрости. Если бы они только знали, насколько они все смешны и ничтожны. И тот, кто уже почти полтора часа что-то бубнит про новые экономические реалии, и те, кто старательно конспектируют его бубнеж. Неужели они на самом деле так глупы? Неужели они действительно думают, что все эти записанные в тетрадки осколки чужого знания им чем-то помогут? Какая чушь! Все это абсолютно лишено всякого смысла. Видимость. Иллюзия. Иллюзия возможности. Иллюзия успешности. Когда-нибудь, у каждого в своем возрасте, эта иллюзия рассеется, и большинство сидящих с ним в одной аудитории поймет, что все эти записи, все эти бдения над конспектами и ночная зубрежка ничего не значат. И даже, возможно, полученный некоторыми из них красный диплом, он тоже ничего не значит. Все решается совсем не здесь и совсем дру-

гими людьми. И сегодня, если в последний момент ничего не изменится, у него будет шанс оказаться там, где принимают решения. Настоящие, а не эту всю бутафорию, которую...

– Молодой человек, я к вам обращаюсь!

Надо же, оказывается, владыка кафедры покинул свои владения и теперь нависает прямо над ним, пытаюсь взглядом не то пригвоздить нерадивого студента к скамье, не то испепелить его прямо на месте. В любом случае над взглядом надо еще поработать, а то что-то ничего не воспламеняется.

Вы можете повторить мое последнее предложение?

Ох, Иван Филиппович! Это надо уметь быть таким нудным! Повторить. Почему вообще что-то за кем-то надо повторять? Но ведь если промолчать, тоже хорошего ничего не будет, так просто от этого ходящего вместилища экономической теории не отделаешься.

– Последнее предложение? Пожалуйста. Если дословно, вы сказали так: «Молодой человек, я к вам обращаюсь». Я все правильно процитировал? Думаю, если кто-то не успел законспектировать, сейчас как раз был второй шанс.

А вот сейчас в профессорском взгляде точно что-то мелькнуло. Огоньки. Огонечки. Кажется, еще немного, и Иван Филиппович и впрямь начнет метать молнии.

– У вас прекрасная память, юноша!

Ого! Похоже, наш знаток-теоретик решил все же не строить из себя громовержца.

– Думаю, с такой памятью в ближайшую сессию у вас про-

блем не возникнет. Хотя, я могу и ошибаться... Вскоре у нас с вами будет возможность во всем убедиться непосредственно. Так сказать, в процессе.

О, это уже можно трактовать как скрытую угрозу. Впрочем, не такую уж и скрытую. Ну, ничего, будет сессия, будет и зачетка. Сейчас, пожалуй, не стоит раздувать дискуссию.

– А всем остальным могу сказать лишь одно – на сегодня лекция закончена. Спасибо за внимание. Естественно, на вас, молодой человек, моя благодарность не распространяется.

Не распространяется благодарность его, ужас какой. Ну, ничего, это как-нибудь пережить можно. Сейчас главное просто до вечера продержаться, потому как все остальное не имеет никакого значения. А вот вечером... вечером он скажет все, что думает.

Лишь бы только они согласились выслушать. Лишь бы только они вообще согласились.

Вырвавшись вперед, он разогнал «Хонду» до ста километров. Конечно, можно было прибавить еще, но дорога была довольно узкой, и ему периодически приходилось возвращаться на свою полосу, уступая дорогу несущимся навстречу большегрузным машинам. Но сейчас впереди было относительно свободно, лишь вдалеке был виден одинокий внедорожник, но это не фура, с ним можно разъехаться, и не возвращаясь в поток, уныло плетущийся за медли-

тельной бетономешалкой. Жора крутанул рукоятку, и мотоцикл послушно ускорился, на электронном табло замелькали, обозначающие скорость числа. Сто двадцать, сто сорок, сто шестьдесят...

Не включая поворотника, идущий впереди белый «Дастер» резко повернул влево, намереваясь развернуться, и перегородил дорогу. В последний момент он дернул руль мотоцикла в сторону, но уйти от столкновения было уже невозможно. На полной скорости красная «Хонда» влетела в левое крыло «Дастера», заставив автомобиль покачнуться.

Руки, тщетно пытавшиеся удержаться за руль, разжались, и влекомое силой инерции тело понеслось куда-то вперед, полетело, пронзая воздух. Сколько длился его полет, он не знал, но отчего-то казалось, что долго. Очень долго. Быть может даже, всю жизнь. Да, наверное, так оно и было. Всю оставшуюся жизнь, ибо после того как он с силой ударился об асфальт и покатился навстречу стремительно приближающемуся внедорожнику, никакой жизни у него уже не было...

Коротко вскрикнув, Жора с шумом втянул в себя пропахший выхлопными газами холодный декабрьский воздух и схватился обеими руками за расколовшийся надвое мотоциклетный шлем.

Выдох. Воздух, словно нехотя, обдирая горло, выходит из организма. Теперь вдох. Сердце начинает биться медленнее, а стук в висках постепенно затихает. Ничего нет. Нет раско-

лотого шлема, нет залитой кровью полосы асфальта, нет декабря. Его, Жоры, тоже уже нет, ибо то, что от него осталось, трудно назвать Жорой.

– Полужорик, подъем! – сам себе приказал Мясоедов, откидывая одеяло в сторону.

Упираясь в кровать руками, он приподнял туловище, стянул на пол сперва одну ногу, за ней вторую и потянулся за костылями. По квартире он предпочитал перемещаться именно так, на костылях, оставляя коляску для ежедневных прогулок на свежем воздухе. Впрочем, слово «предпочитал» в данном случае было не очень уместно. Габариты небольшой двухкомнатной квартиры не оставляли ему особого выбора. Это обстоятельство Жору нисколько не смущало. В какой-то степени пользоваться костылями ему нравилось больше, чем пусть и прекрасно оснащенной электрической, но все же инвалидной коляской. Ведь с помощью костылей он мог стоять, мог даже ходить. Ну да, ходить. Если ваше тело расположено в пространстве относительно вертикально и при этом в этом самом пространстве самостоятельно перемещается параллельно горизонтальной поверхности, то это принято называть ходьбой, а то, что при этой самой ходьбе его ноги безжизненно волочатся по полу, это уже мелкие, никого не интересующие подробности. Никого, кроме него самого. Ну и Вики.

– Вика, ты дома? – на всякий случай крикнул он и спустя мгновение удовлетворенно кивнул, не получив ответа.

Еще бы, с чего ей быть дома. На часах уже почти десять. Приличные люди обычно в это время работают. Особенно по средам. Сегодня же среда, если он ничего не путает. Хотя, может, и путает. Впрочем, какая ему теперь разница? Среда, пятница, воскресенье... А ведь неплохо было бы, если ноги слушались бы его хотя бы по воскресеньям. Тогда все остальные дни недели пролетали бы незаметно, наполненные томительным ожиданием. Тогда можно было бы жить...

Звонок Карнаухова застал Викторию в то самое время, когда до расположенного в одном из арбатских переулков здания городского следственного управления ей оставалось чуть более двух километров пути, на которые, по мнению навигатора, предстояло затратить целых восемнадцать минут драгоценного утреннего времени. Времени, которое не живущие в Москве люди могут потратить на сон, на неторопливое потягивание чашечки кофе под бодряую и не несущую смысловой нагрузки болтовню ведущих центральных телеканалов. В крайнем случае, на работу. Бывает и так, что даже у жителей провинции появляются неотложные дела, которые неплохо сделать именно с утра пораньше, пока мозг свеж и не утомлен дневной суетой. Жители Москвы, даже следователи по особо важным делам из городского главка, такой возможности лишены. Впрочем, у них есть выбор. Те, кому не нравится стоять в пробках, могут стоять в переполненном вагоне метро, уткнувшись в чью-нибудь пахнущую

потом подмышку. Хотя, возможно, в подмышку уткнутся именно вам. Все зависит от соотношения вашего собственного роста и роста окружающих. Никакие иные параметры, включая специальное служебное звание и право на ношение оружия, в толчее московской подземки роли не играют.

Оружия у Крыловой не было. Действительно, зачем оружие следователю? Чтобы сделать и без того тяжелую дамскую сумку окончательно неподъемной? Ну а метро Вика всегда недолюбливала, возможно, по причине своего не очень высокого роста, а быть может, просто потому, что когда-то, уже давно, еще в студенческие годы, она уснула в вагоне, из-за чего пропустила свою остановку и в итоге приехала в институт на полчаса позже, чем следовало. Все было бы не так страшно, если бы именно в этот день первой парой не стоял семинар по уголовному праву, преподаватель которого славился на факультете крайне нетерпимым отношением к нарушителям дисциплины, а кроме того, несмотря на преклонный возраст, отменной памятью. Совокупность двух этих факторов приводила к тому, что во время сессии убеленный сединами и добродушно улыбающийся педагог нещадно срезал баллы всем успевшим в той или иной степени провиниться перед ним за последний семестр.

С тех пор прошло уже почти десять лет, а неприязнь к убаюкивающе покачивающимся из стороны в сторону вагонам никуда не делась. Конечно, заснуть можно и в машине. Но это если ты где-нибудь на трассе, да еще после бессонной

ночи, а если едешь по городу и каждые пару минут навигатор норовит предупредить об установленных на твоём пути камерах наблюдения или напомнить о том, что через четырёхста метров надо повернуть направо, ну какой уж тут сон.

– Виктория Сергеевна, дорогая моя, простите, что побеспокоил, – добродушно проворковал Карнаухов. – Надеюсь, вы ещё не совсем забыли старика.

Илья Валерьевич так умел. Умел иногда создать иллюзию, что с тобой разговаривает твой старый дядюшка, а то уже и дедуля, смотря какова была разница в возрасте с собеседником. Умел заставить забыть, что перед тобой генерал-лейтенант, руководитель управления по расследованию особо важных дел, правая рука, в крайнем случае, одна из правых рук самого бессменного и, как некоторые полагают, бессмертного, главы следственного комитета. Конечно же, верить в эту иллюзию, как, впрочем, и в любую другую, было не только неразумно, но иногда и довольно опасно, и все же устоять перед очаровывающим добродушием и ласковой улыбкой Ильи Валерьевича мало кому удавалось.

– Виктория, радость моя, – перешел к делу Карнаухов, – не могла бы ты уделить мне малую толику своего драгоценного времени. Ну, скажем, минут десять. От силы пятнадцать.

– Конечно, Илья Валерьевич, с радостью, – настороженно отозвалась Крылова, – у меня как раз ещё запас по времени...

– Это не считая дороги, – уточнил генерал-лейтенант. – Приезжай ко мне прямо сейчас. Посидим, кофейку попьем. Да, руководство твое уже в курсе, что тебя с утра не будет, так что можешь не беспокоиться. Ну что, за полчаса доберешься?

На то, чтобы добраться до расположенного в Техническом переулке здания главного следственного управления, Виктории потребовался почти час. К ее удивлению, за это время Карнаухов совершенно не растерял своего благодушия, более того, генерал сиял столь ослепительной улыбкой, что можно было подумать, что Илья Валерьевич представлен к внеочередному специальному званию, причем не ниже чем маршальскому.

– Вот и солнышко наше пожаловало, – Илья Валерьевич явно задался целью поделиться с Крыловой всем запасом имеющихся у него ласковых слов, – а я уж думал, придется мне весь день без кофе куковать, в сухомятку печеньки трескать. Ну ты проходи, располагайся, где тебе больше нравится. Хочешь слева, хочешь справа, как там у вас по приметам, с какой стороны лучше?

Виктория, проработавшая четыре года в главном следственном управлении, прекрасно знала, что из шести стульев, стоящих возле приставного стола для совещаний, несчастливым считался дальний, расположенный по левую руку от генерала. По слухам, именно на него Илья Валерьевич усаживал провинившихся, прежде чем приступить к раз-

бору полетов, сперва неторопливому, но затем переходящему в почти неконтролируемую вспышку ярости. Как рассказывал предыдущий руководитель Крыловой, полковник Реваев, сам генерал объяснял подмеченную подчиненными закономерность очень просто:

– Я их, балбесов, специально от себя подальше располагаю. Потому как, если они ближе сидеть будут, я ведь могу не вытерпеть, через стол перегнуться да надавать оплеух как следует. Оно, может, и стоило б. Некоторым так точно полезно было бы. Но ты представь, если у нас по коридорам следователи с разбитыми рожами ходить будут. А у нас как-никак, главное управление, должна какая-то эстетика в лицах присутствовать.

За четыре года службы Крыловой ни разу не довелось испытать на себе гнев начальника управления, и дело было не столько в том, что она не совершала в работе грубых ошибок, хотя на самом деле таковых почти и не было. Причина, как понимала сама Виктория, крылась в том, что за все время работы в главном следственном управлении ей так и не довелось поработать самостоятельно. Все эти годы она входила в следственную бригаду, возглавляемую опытейшим полковником Реваевым, который не только умел направить усилия своих подчиненных в наиболее оптимальное для достижения результата русло, но и ответить за их действия в том случае, если ожидаемый результат так и не был достигнут.

Лишь несколько месяцев назад по предложению самого Реваева ее, капитана юстиции Викторию Крылову, перевели на самостоятельную работу в московское городское управление следственного комитета. Первое время принимать решения самой было не то что трудно, это казалось несколько необычным. Затем, через несколько недель новый характер работы начал доставлять удовольствие. Сейчас, спустя полгода казалось удивительным, что когда-то было иначе. И вот теперь, сидя в кабинете могущественного начальника управления по расследованию особо важных дел, Вика пыталась понять, чего можно ждать от этого добродушно улыбающегося уже совсем немолодого человека с генеральскими погонами на плечах.

– А вот и наш кофе, – дожидаясь, когда расставившая на столе чашки секретарша выйдет из кабинета, Карнаухов задумчиво теребил себя за мочку левого уха. – А скажи-ка мне, милая, давно ли ты с нашим ненаглядным Юрием Дмитриевичем общалась?

– С Юрием Дмитриевичем? – растерянно повторила Вика. – Реваевым?

– С ним самым, – на мгновение улыбка исчезла с лица хозяина кабинета. – У нас ведь других общих знакомых Юрий Дмитричей с тобой нет.

– Недели три, – окончательно смутилась Крылова, тщетно пытаюсь вспомнить точную дату последнего разговора с Реваевым, – даже, наверное, больше, около месяца.

– Вон оно как, – протянул генерал, и на лице его вновь появилась улыбка, явно не сулящая собеседнице ничего радостного, – говорят, первое время ты ему чуть ли не каждый день названивала. А теперь, значит, месяц. Повзросле-ла! Правильно все же мы тогда решение приняли, даже под-затянули малость. Можно было и раньше тебя на самостоя-тельную работу перевести.

На всякий случай кивнув, Вика изо всех сил сцепила под столом пальцы рук. Должно быть ее напряженность не ускользнула от внимания Карнаухова.

– Ну что ты такая зажатая? Плохой кофе? Без сахара? Так я у Юрия Дмитрича уточнял, он сказал, ты без сахара по-требляешь. Блудешь фигуру.

– Нет, что вы, все хорошо, – торопливо протянув руку к чашке, Вика сделала маленький глоток, совершенно не по-чувствовав вкуса проскользнувшего по пищеводу напитка.

– Более, того, все настолько хорошо, – одобрительно кач-нул головой Карнаухов, – что принято решение вернуть тебя в родные стены.

Генерал придвинул ближе к себе вазочку с крекерами и вдруг замер. Высокий лоб стремительно рассекла глубокая складка, уходящая вверх прямо от переносицы.

– Ты же считаешь эти стены родными? – уточнил Илья Валерьевич тем тоном, который совершенно не предполагает возможность отрицательного ответа.

Вика вновь торопливо кивнула, пытаясь скрыть обрушив-

шуюся на нее лавину эмоций. Вернуться? В родные стены? Вновь работать под руководством Реваева? Нет, Юрий Дмитриевич – это лучший руководитель из всех, кого она только видела. Даже нет, он просто лучший и точка. Но...

– Не вижу радости, – ехидно прокомментировал Карнаухов и тут же отправил в рот целую пригоршню миниатюрных крекеров. – Неужто московские преступники тебе милей всех на свете заделались? Так ты не бойся, мы москвичей вниманием не обделяем. Мы что поинтереснее у них сразу из рук выдергиваем и к себе в норку тащим. Или не в преступниках дело?

Генерал хитро прищурился. Тонкие лучики разбежались во все стороны от уголков его глаз по загорелой коже. «И когда только он загорать успевает, ведь целыми днями в кабинете сидит, – ни с того ни с сего вдруг подумала Крылова, – и вообще, май еще только. Может, в солярий ходит?»

– Молчишь? Ты попробуй печеньки. Соленькие, – хозяин кабинета шумно вздохнул и подтолкнул вазочку в сторону. – Я так понимаю, под крыло к Реваеву ты возвращаться желанием не горишь. Понравилось тебе быть фигурой процессуально самостоятельной.

– Вы все правильно понимаете, Илья Валерьевич, – тихо, почти шепотом пробормотала Крылова.

– Конечно, правильно, – усмехнулся Карнаухов, – потому я на эту должность и поставлен, что все правильно понимаю. Только вот какое дело, девочка, С Реваевым тебе уже

не судьба поработать. Нет больше с нами Юрий Дмитрича.

– Как? – Виктория взвилась вверх, едва не опрокинув, стоящую на края стола чашку. – Как нет?

– Сколько экспрессии, – Карнаухов восхищенно цокнул языком. – Интересно, когда меня на пенсию выпроводят, кто-нибудь так переживать будет?

– Так Юрий Дмитриевич...

– Так Юрий Дмитриевич ушел на заслуженный отдых, – подхватил генерал. – Ты же помнишь, какие у него проблемы с сердечком были. Сама понимаешь, они никуда не делись. Месяц назад был очередной приступ, слава богу, не такой сильный, как в том году. Но врачи дали настоятельные рекомендации, какие, думаю, можно не объяснять. На прошлой неделе мы с ним посидели, чайку попили зеленого и пришли к выводу, что нужно с этими рекомендациями согласиться. Так что вчера вечером у нас в управлении появился один свободный кабинет. И есть мнение, мое мнение, – Карнаухов одарил собеседницу тяжелым, испытывающим взглядом, – что завтра утром ты сделаешь так, чтобы кабинет этот не пустовал.

– Я? Вместо Юрия Дмитриевича? – оторопев от очередного неожиданного поворота, Вика залпом допила остатки кофе и со звоном поставила чашку на блюде.

– Ты посуду мне не колоти, – хозяин кабинета укоризненно погрозил ей пальцем, – китайский фарфор, между прочим. Коллеги из Пекина подарили. Вместо Юрия Дмитриевича.

вича ни ты, ни кто-либо еще быть не может. А то, что тебе, рыбка, такую честь оказывают, считай это знаком моего дружеского расположения. Ну и Реваева, само собой. Его, я бы даже сказал, в первую очередь. Потому как были еще претенденты, – Карнаухов на мгновение нахмурился, Вике показалось, что генерал не уверен в правильности принятого им решения, – но этой ерундой тебе голову забивать нет смысла. Если с твоей стороны возражений нет, а я уверен, что их быть не может, сейчас выдвигаешься в московский главк, передаешь дела. Там уже в курсе, так что к пятнице управишься. Если нет, то еще на выходных куча времени. Ну а с понедельника приступаешь к работе у нас. В девять ровно быть у меня. Все ясно?

– Ясно, – коротко отозвалась Крылова.

– Ну и отлично. Можешь идти. Погоди, – щелчком пальцев Карнаухов заставил замереть уже вскочившую на ноги Викторию. – Ты у нас в каком звании будешь?

– Капитан, – обрадовалась легкому вопросу Крылова и тут же увидела, как на лице генерала появилась недовольная гримаса.

– Ты? Капитан? – Карнаухов смотрел на Викторию так, словно видел ее впервые в жизни.

– Капитан, – Крылова окончательно растерялась, не понимая, чем вызвала такую реакцию хозяина кабинета.

– Плохо, очень плохо, – вынес вердикт Илья Валерьевич. – У нас ведь не пароходство. Здесь за тобой мичманы по свист-

ку бегать не будут. А тебе, зая, дела серьезные вести, людей организовывать, работу их направлять. Ладно, – он небрежно махнул рукой, – накидаем тебе звездочек на погоны. Через месяц, думаю, майора получишь, а там решим, как тебе побыстрее внеочередное присвоить. Иди, сдавай дела, а на выходных не забудь навестить нашего отставника. А то ему, поди, скучно целыми днями дома сидеть.

– Обязательно, – пообещала Крылова, – непременно съезжу.

– Да, еще хотел спросить, – Карнаухов задал вопрос в тот момент, когда Виктория уже выходила из кабинета. – Как там Жора?

– Плохо, – последовал короткий ответ, – очень плохо.

Вот оно! Время. То самое время, когда все должно, наконец, случиться. Правда, пока непонятно, что именно это «все», но разве детали имеют значение? Если он правильно понял, сегодня ему еще не дадут выйти на новый уровень. Он только коснется его, быть может, постоит немного одной ногой. Но этого должно быть достаточно. Не так важно, на какой трибуне ты стоишь, главное, что ты с нее вещаешь. Хотя, если у тебя вовсе нет никакой трибуны, то и вещать нет смысла. Время! Уже прошло семь минут от назначенного. Они что, опаздывают? Или выжидают? Смотрят, оставаясь невидимыми, пытаются понять, стоит ли ему давать шанс...

– Тебе в Печатники?

Лицо водителя желтой «Камри» наполовину скрыто густой черной бородой. Где они только набирают этих таксистов? Такое ощущение, что где-то посреди песков центральной Азии стоит пляжный зонтик, украшенный картонной табличкой «вербовочный пункт», и устроиться на работу в московское такси можно только там.

– Шоссейная, девятнадцать.

Это ж надо было такой пароль придумать! Печатники... Где это вообще находится?

– Назад, – машет рукой водитель, – просили, чтоб ты назад сел.

Назад так назад. О, да тут просторно. Специально, что ли, переднее кресло так отодвинули? Неужто заботятся?

– Тебе просили передать, – смуглая руку протягивает запечатанный конверт, – там инструкции. Я сам не читал, но мне в общих чертах объяснили. Так что можешь не стесняться, я смотреть не буду.

– Не переживай, я не особо стеснительный.

Что тут у нас? Письмецо в конверте. Что пишут? Разденьтесь догола, сложите всю одежду и вещи в пакет.

– Пакет, – таксист передает ему шуршащий комок.

Интересно. Незапланированный стриптиз в компании бородатого мужика неопределённой национальности. А если отказаться?

– А если я откажусь?

– Шоссейная, девятнадцать, – тут же отозвался водитель.

Очевидно, его собственные инструкции предполагали такой вариант развития событий, – оплата по тарифу.

Вон оно как. Вариантов всего два, выходит. Либо с голым задом неизвестно куда, либо в Печатники. Что там в этих Печатниках может быть интересного?

– Да понял, я понял... Трусы тоже снимать?

– Слушай, брат, всю одежду снять надо. Трусы, что, не одежда?

Во как день интересно складывается. Без трусов, зато с новым родственником. Брат нашелся.

– Держи, брат. Не потеряй только.

Смуглая рука быстро забирает свою добычу.

– Ты точно все снял, на тебе ничего больше нет? А то они ведь смотрят. Надо, чтобы им все понравилось.

Не оборачиваясь, водитель тычет пальцем в потолок.

Ах, вот оно что! Тут еще и камеру присобачили. Интересно, сколько там зрителей? Знал бы раньше, двигался как-то посексуальнее, а теперь что остается? Разве что ручкой им помахать.

– Вот, держи.

Пакет перелетает обратно на сиденье. Упс... это не тот пакет, во всяком случае, вещи в нем точно другие. Хотя размерчик... размерчик, вроде, подходящий. Конечно, не писк моды, но, вроде, не секунд хэнд. Скромненько, серенько. В принципе, так и должно быть, дебютант должен выглядеть скромно.

«Камри» затормозила, несколько резче, чем этого хотелось бы не пристёгнутому пассажиру заднего сиденья.

– Все, брат, приехали. Выходи.

Не успел пассажир покинуть салон автомобиля, как «Камри» заморгала левым поворотником, отъезжая от тротуара.

– Стой! погоди! – пассажир бросился обратно к машине. – А вещи? Вещи мои где будут?

– Шоссейная, девятнадцать, – рассмеялся водитель и до упора вдавил в пол педаль газа, вклиниваясь в проносющийся мимо железный поток.

Юморист. Попался б ты мне в руки в другой обстановке, я бороденку твою выщипал бы. Не спеша, по волосиночке. Чтоб у тебя время было прочувствовать. Но бороденки этой, как и вещей, я так понимаю, не видать мне больше. Черт с ними, телефон только жалко, опять придется два часа сидеть, все пароли восстанавливать.

– Спустишься в переход, выйдешь на другой стороне и сядешь в такси с наклейкой.

Невысокая фигура проскользнула мимо и тут же растворилась в толпе, только что вывалившихся из автобуса пассажиров.

Переход. Можно и в переход. Надеюсь, хотя бы в переходе раздеваться не надо будет. Интересно, а зачем они этот стриптиз в такси организовали? Смотрели, нет ли на мне микрофонов? Скорее всего... Так, где тут у нас такси? Да

еще с наклейкой. Мать моя! Они же все с наклейками.

Несколько мгновений он стоял неподвижно, затем бросился к одному из застывших у тротуара автомобилей. В небольшом белоснежном кругляше с трудом умещалась надпись, выполненная красными печатными буквами: «Шоссейная, 19».

На этот раз водитель оказался ярко выраженным славянином. Русоволосым, круглолицым, хмурым и неразговорчивым. Он молча вел машину, иногда похлопывая по рулю в такт звучащей из колонок мелодии.

– Сядь за мной и приготовься выйти через левую дверь.

Выйти? На третьем кольце? А что потом они прикажут сделать, прыгнуть с эстакады?

Впервые за весь день в голове появилась мысль о том, что, может быть, ему и не стоило лезть во всю эту историю. Вот, действительно, зачем? Ведь и так в принципе все неплохо. Можно даже сказать, временами весело. А главное, папа не жметя, без особых уговоров все это веселье спонсирует. Нет, же, стало скучно. Захотелось новых высот. Вот тебе и высоты...

Машина резко затормозила.

– Быстро выходи, перебирайся через отбойник! – новая команда прервала его размышления.

– И куда я там денусь?

– Выходи, – в голосе водителя послышалась раздражение, – иначе...

Ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

– Я понял, понял, – буркнул он напоследок водителю, – иначе Шоссейная, девятнадцать.

Ответа не последовало.

С трудом перебравшись через первую линию ограждения и оказавшись на разделительной полосе, он задумался, стоит ли лезть дальше, туда, где мимо мчался безостановочный поток машин. Он еще не пришел ни к какому решению, когда прямо напротив него остановился белый «Киа-Рио» и коротко посигналил. Секунду спустя возмущенно взревел клаксон ехавшего следом за «Рио» черного «Гелендвагена», которому маленький автомобильчик перекрыл дорогу.

– Да, иду я, иду, – пробормотал он, перепрыгивая через отбойник.

Оказавшись на заднем сиденье, он на всякий случай уточнил у водителя.

– В Печатники?

– В Печатники? – тот удивленно оглянулся. – Ты, может, и в Печатники, а я малость в другое место.

Проехав всего около двухсот метров, автомобиль перестроился в правый ряд и съехал с эстакады. Еще метров триста и Киа прижался к обочине, почти коснувшись бампером стоявшего перед ним брата-близнеца.

– Пересаживайся!

На этот раз уточнять что-либо не имело смысла. Все очевидно. Те, кто собираются с ним встретиться, сперва хотят

убедиться в отсутствии слезки или отсечь ее в том случае, если она все же имеется. Разумно.

– Держи! – едва он успел занять место на заднем сиденье, как автомобиль тронулся с места, а водитель протянул ему черный холщовый мешок, – сказали, ты эту штуку должен надеть на голову, тогда сможешь увидеть что-то интересное. Я, правда, не понял, что там увидеть можно. Я внутрь заглядывал, ничего нет.

– Ну, так оно не каждому видно становится, только избранным.

Ну, вот и все, похоже, мы близимся к финальной стадии. Раз мешок на голову надели, значит, не хотят, чтобы я видел дорогу. Получается, повезут туда, куда и будем встречаться. Хотя, судя по тому, что говорит водитель, он не в теме. Значит, скорее всего, еще раз сменим машину, но ни ее саму, ни того, кто будет за рулем, я уже не увижу. Я бы так сделал.

Так все и вышло. Спустя несколько минут автомобиль остановился. Задняя дверь открылась, и чьи-то крепкие руки помогли ему выбраться из машины. Десяток шагов, затем нажатие ладони заставило его пригнуться и вновь уже который раз за день сесть на заднее сиденье.

На этот раз дорога показалась ему очень долгой. Хотя, возможно, все дело было в окружавшей его темноте и тишине. Хоть бы радио включили... Или они думают, я по числу песен вычислю хронометраж, затем умножу на среднюю скорость перемещения по Москве в это время суток и пу-

тем этих гениальных вычислений получу радиус окружности, внутри которой могу находиться? А потом, когда меня отпустят, взгляну на карту и уверенно ткну пальцем. Здесь! Из всех зданий по приметам подходит только это. Только в нем на крыльце целых восемь ступенек, гулкое эхо и пахнет с одной стороны битумом, а с другой свежей выпечкой. А это значит, надо искать заброшенный склад или ангар, расположенный аккурат между асфальтовым заводом и пекарней.

Все элементарно, во всяком случае, в кино было бы именно так. Жаль, в жизни все несколько запутаннее... Кажется, приехали. Так, выходим. Идем. Ступеньки! Один, два, три... Всего три. Опять идем. Прямо, направо, налево... Опять ступеньки... Один, два, три... много. Все равно запоминать нет никакого смысла. Если все пройдет хорошо, то в следующий раз он придет сюда сам, если все пройдет не очень... нет, этот вариант лучше сразу исключить. «Не очень» быть не должно!

– Ты обедал?

Крылова стремительно перемещалась по кухне от холодильника к плите и обратно. Примостившийся на стуле Жора наблюдал за ее суетой, успевая одновременно безостановочно переключать каналы на телевизионном пульте.

– Обедал.

– Незаметно. А гулять выходил?

– И гулять выходил, – вздохнул Мясоедов, – и на горшок

сам сходил. Что я еще должен был сделать? Поиграть в конструктор? Завтра непременно так и сделаю. Построю замок из кубиков.

– Жора! – Вика, уже начавшая было чистить картошку, швырнула нож в раковину. – Ну что ты, как маленький? И зачем пульт без конца тычешь? Что ты в этом телевизоре увидеть пытаешься?

– Пальцы разрабатываю, мелкую моторику развиваю, – Жора нехотя отложил пульт на стол. – Это не я маленький. Это ты со мной как с ребенком постоянно общаешься. Поел, не поел... Тебе какая разница? Я что, сам не могу решить, что мне поест и когда?

– Можешь, ты у меня все можешь, – подойдя к Жоре, Крылова наклонилась и поцеловала его в макушку, – а спрашиваю я потому, что мне не все равно. Мой муж должен быть сильным и полным энергии.

– Муж, – Жора схватил ее за руку и уткнулся носом в ладонь, – какой я муж? Даже свадьбы нормальной не было.

– Муж, муж, – дважды повторила Вика и еще раз поцеловала его, на этот раз в висок, – можешь не сомневаться!

Вернувшись к раковине, она вновь принялась за картошку.

– А говорят, это женщины о свадьбе мечтают. Выходит, мужчины тоже.

– Мужчина тоже человек, – усмехнулся Жора, проводя ладонями по не чувствующим прикосновений бедрам и тихо,

так чтобы Крылова не слышала, пробормотал, – ну, или полчеловека.

– Обращаться, «господин Председатель». Понятно?

– Да. Оба слова знакомы.

Ну вот, похоже, пришли. И что, теперь мешок-то снять можно? Ах, сами снимете, пожалуйста. И что тут у нас? Полумрак.

Большая темная комната. Источник света всего один. Он где-то под потолком, причем такое ощущение, что лампочка спрятана в какую-то трубу, во всяком случае, освещает она совсем небольшое пространство, а он сам, дебютант, новичок, соискатель, да как угодно назовите, стоит в самом центре этого светлого пятна и пытается хоть что-нибудь разглядеть в окружающей его темноте.

Они, получается, все видят, а их самих увидеть невозможно. Это они хорошо придумали. Для них хорошо. Хотя кое-что разглядеть можно. Глаза, они ведь постепенно привыкают. Фигуры видно, а вот лиц нет. Лица, похоже, в масках. Сколько их тут? Человек пятнадцать. Нет, шестнадцать. За спиной того, кто сидит в стороне от остальных, стоит еще один. Телохранитель? Или это и есть тот самый...

– Мы рады приветствовать в нашем кругу очередного дебютанта, – слышался странный, шелестящий голос, донесшийся откуда-то из-под потолка, – все вы одобрили его кандидатуру и сочли возможным дать этому человеку шанс про-

явить себя в испытании. Сейчас мы с вами еще раз зададим вопрос, понимает ли он, на что решился, тем самым давая нашему дебютанту последний шанс на то, чтобы покинуть круг избранных и навсегда забыть о его существовании.

Ага, забыть, покинуть. Не успеешь за порог ступить, тебе по башке дадут и выкинут где-нибудь в Печатниках.

– Господин председатель!

Ого! А голосок-то подрагивает. Все же нервы шалят. Ну а у кого они здесь не шалили? Хотя всякое бывает. Есть такие носороги, их ничем не прошибешь.

– Господин Председатель! Позвольте заверить и вас, и всех присутствующих, что я прекрасно понимаю, на что иду. Я готов сделать следующий шаг. Готов, если можно так выразиться, подняться на ступень выше.

Кивнул. Вроде даже одобрительно кивнул. Значит, самое время его немного удивить.

– В тоже время, господин Председатель, я хотел бы сделать некоторое уточнение. Или можно сказать – внести предложение.

– Продолжайте, – прошелестело из-под потолка после секундной заминки.

– Я понимаю, есть охотники, есть добыча. Охотником, несомненно, быть лучше. Вот только возникает резонный вопрос, а где же охота? Мне кажется, для дебютантов созданы слишком тепличные условия. Это то же самое, что охотиться в зоопарке. Подошел к вольеру с медведем и выстре-

лил. Чем здесь можно гордиться? Тем, что купил входной билет?

– А не рано ли судить об этом тому, кто сам находится в статусе дебютанта?

А вот это уже нормальный голос, человеческий. Получается, голосовой модулятор только у Председателя. Остальные полагаются на маски. Кажется, вон тот, спросил, второй слева.

– Думаю, не рано. Если кто-то хочет усложнить испытание, то этот «кто-то» должен начать с себя. Так что получается, для меня самое время. И потом, я хочу сказать, убивать бедолаг, которые и так уже всего лишены, как-то несправедливо. Нет, я понимаю, что в этом присутствует элемент гуманности. Жизнь у них тяжелая, и мы избавляем их от этой обузы. И все же охотиться надо на настоящую добычу. Причем охотиться самому, а не полагаться исключительно на действия уважаемого All Inclusive* (* – сноска. *All Inclusive* (англ) Система обслуживания в отелях, при которой питание, напитки и многие виды услуг включены в стоимость проживания.)

Ну что, угадал? Да кто ж его знает. Он даже не пошевелился. Так и стоит все время у Председателя за спиной.

– Хочу сказать, что предложение нашего дебютанта меня в некоторой степени заинтересовало, – вновь зашелестел пропущенный измененный электроникой голос, – но должен заметить, что в таком случае возрастает риск совершить ошиб-

ку.

– А вот ошибки в случае такой необходимости All Inclusive как раз и подправит. Не думаю, что для него в этом могут возникнуть какие-то затруднения.

Точно! Это он и есть. Интересно, что это он сейчас Председателю на ухо нашептывает?

– Ошибки, – послышалось из-под потолка, – All Inclusive умеет исправлять ошибки. Причем, как правило, хирургическим способом. Только вот, молодой человек, вы не думаете о том, что в настоящий момент в роли такой ошибки выступаете именно вы?

Стоявшая за плечом Председателя темная фигура мягко двинулась вперед. Ее правая рука скользнула к поясу, и в полумраке блеснуло сталью широкое лезвие.

Глава 2

Суббота, 15 мая

– Просыпайся, колючка, – Вика провела рукой по небри- той щеке мужа, – нам уже скоро ехать, а ты все дрыхнешь.

– Ехать? Куда нам ехать, – не открывая глаз, отозвался Жора, – а главное, зачем?

– Ну, ты что, я же при тебе вчера звонила Реваеву. Дого- ворились, что в двенадцать мы приедем. А сейчас почти де- сять. Пока соберемся, как раз выезжать надо будет.

– Вика, ты сама себя слышишь, – открыв наконец глаза, Мясоедов укоризненно посмотрел на нее. Что ты говоришь?

– А что я говорю? – переспросила Вика.

– Ты позвонила Реваеву. Вы с ним о чем-то договорились. Я здесь каким боком? Я ни о чем ни с кем не договаривался.

– Тебе дать трубку, чтобы ты ему позвонил? – Вика села на край кровати и взяла Жору за руку, еще надеясь вернуть стремительно ускользящую надежду провести день относи- тельно беззаботно. – Или ты хочешь, чтобы Юрий Дмитри- евич сам позвонил тебе?

– Других вариантов, я так понимаю, ты не предполага- ешь? – Жора выдернул руку из-под ее ладони. – А они, меж- ду прочим, имеются. Ты вполне можешь съездить к Реваеву без меня. А я спокойно поем, съезжу на прогулку, посижу в сортире. Ты не представляешь, как это замечательно – си-

деть в сортире, когда в квартире никого больше нет. Во-первых, можно не закрывать дверь...

– Жора! – Вика сглотнула поднявшийся откуда-то из глубины и подкативший к горлу комок. – Ты не хочешь ехать? Почему? Юрий Дмитриевич будет рад тебя видеть.

– Вот и хорошо, передай ему от меня привет.

Кряхтя, Мясоедов перевернулся на другой бок лицом к стене. Должно быть, он ждал, что Вика, не желая с ним спорить, встанет и выйдет из комнаты, но ошибся. Минуту спустя, он вновь повернулся к жене.

– Я не поеду, – упрямо произнес он. – Мне и раньше в твоей машине тесно было, а сейчас вообще тихий ужас. Садиться неудобно, выбираться еще неудобнее. Пока едешь, ноги деть некуда, костыли тем более. Езжай одна. Передашь от меня привет, сходите с Юрием Дмитриевичем прогуляетесь. А я дома посижу, у меня еще кроссвордов неразгаданных целая куча.

На месте только что проглоченного сгустка раздражения, моментально образовался второй, большего размера и, судя по ощущениям, обильно усеянный маленькими, но чрезвычайно острыми шипами, раздирающими горло.

– Хорошо. Ты не поедешь, – встав с кровати, Вика отступила к выходу из комнаты, – привет я Юрию Дмитриевичу обязательно передам, а на следующей неделе постараюсь выкроить время и поменять машину. Купим такую, в которую тебе будет удобно садиться.

– Прекращай, – Жора нахмурился, с сомнением глядя на застывшую у двери жену. – Машинка у тебя хорошая, вы с ней друг другу подходите. Да и потом, что ты купить сможешь, реанемобиль? Так что, давай уж без глупостей.

– То есть право делать глупости ты оставляешь исключительно за собой, – вспыхнула наконец Крылова. – Других вариантов, я так понимаю, ты не предполагаешь?

– Мне кажется, или это цитата? – Жора самодовольно ухмыльнулся, но в следующее мгновение ухмылка исчезла с его лица после того, как выскочившая из комнаты Вика изо всех сил хлопнула дверью.

Понедельник, 17мая

– Вот я не пойму, ты это что мне тут настрочила? – Карнаухов недовольно смотрел на сидящую перед ним Викторию. – Вот эта вот бумажка, рапорт твой так называемый, она мне зачем? Ты действительно думаешь, я тебя позвал сюда, чтобы ты с собой еще кучу дел притащила, с которыми и без нас могут справиться? Или ты полагаешь, в московском главке с твоим уходом толковых следователей больше не осталось?

– Одно дело, Илья Валерьевич, – Крылова вцепилась обеими руками в стул, чувствуя, как ее буквально сметает с места волна начальственного гнева. – Всего одно. Понимаете, у меня как раз по нему некоторые соображения появились.

– Ага, значит, те дела, с которыми ты не знаешь, что де-

лать, ты бросить готова, – ухмыльнулся хозяин кабинета. – Практичный подход, одобряю.

– Забрать я готова все дела, – горячо возразила Вика, – но вы ведь не разрешите.

– Конечно, не разрешу, – согласился Карнаухов. – Тогда объясни, что в этом деле такого особенного.

– Я им занималась с самого начала. Мне его дали, как только я перевелась в московское управление. И за полгода у меня по нему не было никаких подвижек.

– А сейчас, значит, появились?

– Да. Понимаете, на прошлой неделе произошло еще одно убийство...

– Еще одно, – Илья Валерьевич довольно артистично изобразил на лице смесь ужаса и отвращения. – А до этого у тебя сколько эпизодов было?

– Шесть точно и еще по двум есть сомнения.

– Итого у нас не то семь, не то девять убийств лиц, – Карнаухов заглянул в лежащий перед ним документ, – как ты тут пишешь, лиц без определенного места жительства. И вот это счастье ты с собой притащить хочешь!

Откинувшись на спинку кресла, генерал закрыл глаза и погрузился в состояние задумчивости. Во всяком случае, Виктории хотелось верить, что Карнаухов не уснул посреди разговора.

– Бом-бом-бом, – вдруг запел генерал, – бом-бом-бом... жи. Бомжи, радость моя! Зачем нам здесь бомжи? Их всегда

кто-то убивал и убивать будет. Они и сами друг дружке не дают расслабиться. Зачем всю эту муть сюда тащить? Честное слово, не наш уровень.

– В том то все и дело, Илья Валерьевич, – обрадовалась Крылова возможности дать хоть какие-то объяснения, – новое убийство, оно отличается. На этот раз убили молодого человека, студента. Но почерк, манера совершения преступления дают основания предполагать, что это убийство связано с предыдущими.

– И что, от этого у тебя в голове какое-то прояснение наступило? – с сомнением взглянул на нее Карнаухов. – При чем, я так понимаю, ты об этом своем прояснении ни с кем, кроме меня, еще не разговаривала.

– Откуда вы знаете? – удивилась Крылова.

– Оттуда, – генерал постучал по экрану лежащего перед ним смартфона. – Мне еще в пятницу позвонили, сказали, что ты в одно дело вцепилась зубами и отдавать не хочешь. Так вот, к твоему сведению, руководство московского главка будет просто счастливо, если мы заберем это дело себе и проявим профессионализм, столь свойственный сотрудникам главного следственного управления. Про профессионализм это сейчас была цитата, сам я обычно столь казенным языком не изъясняюсь.

Вика понимающе кивнула.

– Так вот, – продолжил Карнаухов, – я немного поразмыслил и решил наших коллег осчастливить. Пусть у них оста-

нутся самые лучшие воспоминания не только о том времени, что ты у них работала, тем более что времени этого вышло кот наплакал, но и о твоём уходе. Как говорится, баба с возу, висяки туда же.

– Спасибо, – смущенно пробормотала Крылова, не ожидавшая, что генерал сдастся почти без боя.

– Ты уж за «бабу» извини, – с притворным смущением Карнаухов развел руками, – к слову пришлось. А что касается висяков, вернее, твоих бомжей, прошу тебя, солнышко, сделай так, чтобы это дело не зависло у нас еще на полгода. Не то чтобы меня это обстоятельство будет сильно смущать, но не хочу, чтобы наши друзья из московского главка были чрезмерно счастливы. У них от этой чрезмерности работоспособность снижается. Ясно тебе?

– Про чрезмерность не очень, а в остальном понятно, – честно призналась Вика.

– Ну и хорошо, – удовлетворенно кивнул хозяин кабинета, – остального с тебя вполне достаточно. Можешь идти, если я ничего не путаю, – он бросил короткий взгляд на часы, – нет, не путаю, тебя уже должны оперативники возле кабинета ждать. С одним ты, насколько я знаю, вместе уже работала.

– Все-то вы знаете, Илья Валерьевич, – с улыбкой выскочила из-за стола Виктория.

– Пфф, – добродушно фыркнул Карнаухов, – если б я все знал, на черта тогда еще куча народу тут по этажам шоркалась? Все, свободна!

Карнаухов оказался прав. Один из трех слоняющихся по коридору мужчин действительно был Крыловой знаком. Панин Михаил Григорьевич. «Можно без Михаила, или без Григорича», – уточнил он при их первой встрече. С тех пор Вика так его иногда и звала: «без Михаила». Познакомились они еще зимой, примерно спустя месяц после ее перехода из центрального аппарата в московский главк. По мнению Вики, оперативником Панин был неплохим, скорее даже хорошим, однако, как утверждал один из коллег Михаила Григорьевича, не умевшим себя правильно позиционировать. В общении с коллегами, руководством и представителями смежных структур, Панин в основном предпочитал отмалчиваться, изредка задавая короткие, как правило, весьма точные вопросы. Возможность же озвучивать перспективные версии или отчеты о достигнутых успехах в отработке этих версий он почему-то предоставлял своим коллегам, как правило, более молодым и энергичным. Сам же при этом сидел молча, небрежно закинув ногу на ногу и одобрительно кивая в такт сказанному. Возможно, именно поэтому к своим сорока восьми годам Михаил Григорьевич все еще оставался в не столь уж высоком для его возраста майорском звании. Его появлению в коридоре главного следственного управления Крылова была и рада, и удивлена. Должно быть, эмоции слишком явно отразились на ее лице, поскольку шагнувший ей навстречу Панин широко улыбнулся и произнес:

– Что, сюрприз? Я сам не ожидал. Еще в марте в мини-

стерство с Петровки выдернули, сказали на усиление. Вот так до сих пор и усиливаю. Уж и не знаю, чем я им так мог приглянуться. Тут, смотри, какие орлы летают, – он отступил в сторону, давая возможность Виктории как следует разглядеть двух других оперативников.

– Давайте уж в кабинет пройдем, там и будем знакомиться, – предложила Крылова.

Доставшееся ей от Реваева рабочее место занимало значительно меньшую площадь, чем кабинет, в котором располагался генерал Карнаухов, но все же здесь было довольно просторно и в то же время уютно. Строгая мебель из темного дерева, массивный письменный стол, сидя за которым чувствуешь себя, словно на капитанской рубке. Достаточно дать команду: «Полный вперед!», и могучий, хотя временами неповоротливый корабль следственных действий двинется вперед по проложенному уверенной рукою курсу. Главное в этом плавании, впрочем, как и во всех остальных, именно не ошибиться с курсом.

– Малютин Денис Анатольевич, – представился первый из двух еще незнакомых Вике оперативников.

– Гена, – улыбнулся Крыловой самый молодой из всех троих.

– А нельзя ли как-то более развернуто?

– Капитан Распашной, – звонко отрапортовал тот, – Геннадий Юрьевич.

– Крылова Виктория Сергеевна, – Вика положила на стол

две визитные карточки, – мобильный здесь указан, а городской зачеркнут, я на обороте правильный номер записала.

– А вы ведь уже здесь работали, если я правильно помню, – Малютин вдруг громко щелкнул пальцами, – я, кажется, вас несколько раз встречал в коридорах. Верно?

– Верно, работала, – подтвердила Крылова, – до декабря прошлого года. Потом перевели в городское управление.

– Понизили, что ли? – уточнил Распашной.

– Почему сразу понизили? – Вика возмущенно взглянула на иронично улыбающегося оперативника. – Такой вариант: дали возможность получить дополнительный опыт самостоятельной работы, вас устроит?

– Быстро вы опыта, однако, набрались, Виктория Сергеевна, – цокнул языком Распашной, – за полгода не каждый сумеет.

– Судя по тому, что вы служите в министерском главке, у вас, Геннадий Юрьевич, тоже нет особых проблем с набором квалификации, – холодно парировала Крылова.

– Это не я, это папа, – небрежно отмахнулся молодой человек, – он меня подталкивает. Вернее, подтягивает. Если б не он, я бы где-нибудь в УВД Южное Бирюлево оперативил.

– Восточное, балбес, – фыркнул Малютин. – Или Западное. Это Чертаново Южное может быть.

– В какую эпоху мы живем, – притворно изумившись, Распашной ухватился обеими руками за голову, – великих географических открытий. Если б не ты, Денис, я бы так и про-

зьябал в неведении.

– Орлы! – вмешался в разговор Панин, – вы так крыльями машете, словно уже все дело распутали. А я, между прочим, тех ребят хорошо знаю, кто по нему работал. Не глупее вас будут. Только выхлопа с их ума никакого не вышло.

– Ясно, – нисколько не смутился Распашной, – на этой неделе я генералом не стану. Хорошо, хоть в семье уже один имеется. Так что от нас требуется? Перепроверить уже проверенное?

– Нет, – покачала головой Вика, – перепроверять пока ничего не требуется, – сосредоточимся на работе по новому эпизоду.

– А вы, Виктория Сергеевна, уверены, что новый эпизод он именно наш? – задал вопрос Панин. – Вы ведь на осмотр не выезжали, там из района группа работала.

«Еще один всезнающий», – мысленно вздохнула Крылова, а вслух произнесла:

– Не выезжала. Достаточно того, что туда выезжал медэксперт, который позже сделал вскрытие, а еще позже позвонил мне.

– То есть вы сами на вскрытии не присутствовали? – уточнил Малютин.

– Как я могла там присутствовать, если в тот момент еще ничего о нем не знала? – вопросом на вопрос отозвалась Крылова, чувствуя, как постепенно в ней нарастает раздражение.

– Получается, тело вы не видели, но решили, что клиент наш, – сделал вывод Денис.

– И что из этого? – Вика вновь обрела уверенность. – Я созванивалась с экспертом. Один из нанесенных ударов почти полностью идентичен тем, что были обнаружены еще в шести случаях, – Крылова достала из папки лист с записями. Удар нанесен в переднюю шейную область на уровне седьмого шейного позвонка, справа стороны, в результате удара рассечены внешняя и общая сонная артерия, нижняя щитовидная артерия, и гортань.

– Это, я так понимаю, конспект вашего разговора с экспертом? – Распашной указал на листок пальцем. – Официального заключения у вас нет?

Нет, – подтвердила Крылова. – А что от этого какие-то проблемы?

– Проблемы? – Геннадий иронично усмехнулся. – Ну, какие у меня могут быть проблемы? Я не женат.

– Очень рада, – в тон ему отозвалась Вика и уточнила на всякий случай, – тому, что у вас нет проблем по поводу отсутствия заключения. Думаю, у эксперта их тоже не будет, чтобы сегодня или завтра мне его предоставить.

– Ну, хорошо, предположим, – Малютин сделал паузу, давая понять всем присутствующим, что сам он не склонен к необоснованным предположениям, – что это новый эпизод из уже имеющейся у нас серии. Не могу только понять, почему вы думаете, что еще одно убийство сделает её, – он щелк-

нул пальцами, пытаясь подобрать нужное слово, – более раскрываемой?

– Потому, что изменился объект агрессии. Типаж, – вновь раскрыв папку, Вика достала из нее еще несколько листов бумаги, – вот данные по всем предыдущим жертвам.

– Если мы полагаем, что это одна серия, – уточнил Малютин.

– Да, мы так полагаем, – уверенно кивнула Крылова, которой уже надоело тратить время и силы на не самую плодотворную дискуссию с оперативниками, – взгляните на список. Что общего вы видите во всех жертвах?

– Я и без всякого списка знаю, бомжарики они все были, – Распашной накрыл ладонью предназначенный ему лист, – нас уже наше руководство информацией осчастливило. Не очень, правда, понятно, почему это дело на уровень главного управления вышло, ну да ладно, мы люди подневольные.

– Я правильно понимаю, – Крылова холодно взглянула оперативнику прямо в глаза, – вам кажется принципиальным, кого именно убивает преступник? Если бы это были не, как вы говорите, бомжарики, а дети генералов, вам было бы понятнее, почему мы занимаемся этим делом?

– Ловко вы меня с генеральскими детками подкололи, – капитан одобрительно кивнул, – мне, если честно, особой разницы нет. Я что тех, что других терпеть не могу. У первых вши, у вторых понтов больше, чем вшей у первых. Я лишь констатирую факт, не часто главк подобной категорией на-

селения интересуется.

– Возможно, именно чтобы заинтересовать главк, на этот раз наш преступник убил совсем не бомжа, – Вика предала каждому из мужчин еще по одному листу бумаги, – Апраксин Константин Алексеевич. Девятнадцать лет, москвич. Убит в половине первого ночи по дороге домой с работы. Парень по вечерам подрабатывал в кофейне, днем учился. Студент высшей школы экономики.

– Ну конечно, теперь нам дело раскрыть – раз плюнуть, – иронично прокомментировал Малютин, – раз он студентов мочить начал, значит... А что это значит? – он потер щетину на подбородке и непонимающе взглянул на Крылову. – Разве что-то меняется? Если он предыдущие шесть раз никаких следов не оставил и нигде на камерах не засветился, вряд ли в этот раз что-то пошло по-другому.

– А я думаю, изменилось многое, – упрямо возразила Виктория, – если убийца, причем именно серийный убийца, начал менять образ действий, уходит от привычной схемы, значит, его состояние нестабильно. А раз так, в разы увеличивается вероятность того, что он начнет, или уже начал совершать ошибки.

– Процесс личностной деградации усиливается, – Распашной явно процитировал фразу из какого-то пособия по криминальной психиатрии.

– Именно так, – кивнула Крылова, надеясь, что наконец-то обрела нового союзника. – Поэтому нам надо попы-

таться найти совершенную преступником ошибку.

– Будем надеяться, что она уже была совершена, – добродушно отозвался Панин.

– Тогда надо съездить в район, – начала отдавать распоряжения Крылова, – пообщаться с теми оперативниками, что выезжали на осмотр места преступления, как следует отработать маршрут, по которому передвигался Апраксин. Надо понять, как часто он возвращался домой в это время, а время, между прочим, было довольно позднее, уже после полуночи. Изъять все записи камер наблюдения на маршруте, возможно, преступник его какое-то время отслеживал. Ну и поговорить с близкими, возможно, в последние дни парень мог заметить что-то подозрительное. Вдруг кому-то жаловался, всякое может быть.

– То есть версию того, что убийство не связано с нашим бомжерезом, мы в принципе не рассматриваем? – любопытствовал Распашной.

– Геннадий Юрьевич...

– Лучше Гена, в крайнем случае, Геннадий, – перебил ее Распашной, – а то я себя пенсионером чувствую, прям как Григорич.

– Так вот, Геннадий, мы рассматриваем все версии. Во всяком случае, пока у меня на руках нет официального заключения медэксперта. Поэтому, как я уже сказала, надо пообщаться с близкими убитого. Возможно, они смогут рассказать что-то, заслуживающее внимания.

Глава 3

Все еще понедельник

– Ну что, парни, предлагаю разделить усилия следующим образом, – предложил Панин, – один из вас выдвигается в адрес к потерпевшему, может, кого дома и застанет. Ну а со вторым мы вместе двинем в район. Сперва пообщаемся с коллегами. С учетом того, что дело от них забрали только сегодня утром, есть шанс, что маршрут передвижения они уже отработали. В любом случае, пройдемся сами, а там по месту решим.

– Угу, то есть ты, Григорич, с родственниками безвременно усопшего общаться не желаешь, – Распашной стоял, засунув руки в карманы и мягко перекатываясь с пяток на носки и обратно, – хочешь все слезосопли на нас скинуть.

– Гена, – Панин укоризненно поморщился, словно недоумевая, как такая глупость может прийти в голову его более молодому коллеге, – сколько я их уже посмотрелся, соплей этих. Тут в другом дело. Парень был молодой, студент, институт у него не абы какой. Догоняешь?

– Не, Григорич, я бегаю плохо. Ты нормально объясни.

– Куда нормальнойей? – Панин недовольно вздохнул. – Ты сейчас съездишь, с родственниками переговоришь, девяносто девять процентов, что ничего путного они тебе не скажут. Потом ты куда двинешь?

– Куда я двину. . . – Гена беззаботно пожал плечами, – если погода не испортится, посижу где-нибудь на терраске, пивка попью.

– Двинешь ты в институт, где парень учился. Потолкуешь с его однокурсниками. А однокурсники у него кто?

– Кто?

– Молодежь. Сколько Апраксину было, девятнадцать? Ну, значит, и им так примерно. Девочки симпатичные, мальчики еще жизнью не сильно потертые. Ты в их тусовку прекрасно вступишься. Если кто-то что-то интересное сказать сможет, то, думаю, именно тебе он и скажет.

– Учись, Денис, как грамотно обосновывать, – Распашной добродушно усмехнулся, – вроде, и понимаешь, что тебе на уши лапшу набрасывают, а отказаться уже язык не поворачивается. Ладно. Поеду к родственникам, а потом в институт заскочу. Но там одним днем никак не отделаешься, так что с утра завтра опять в том же направлении.

– Ну, вот и славно, – заключил Панин. – Что, выдвигаемся, или сперва в столовую местную заскочим, перекусим?

– В столовую, – решительно отозвался Малютин, – здесь лучше кормят, чем у нас в министерстве, а цены так вообще трехлетней давности.

Полтора часа спустя четверо мужчин сидели в небольшом кабинете с зарешеченным окном на втором этаже управления внутренних дел района Коньково. От кофе, гостеприим-

но предложенного хозяевами кабинета, Панин и Малютин отказались и теперь внимательно выслушивали всю ту информацию, которой делились с ними районные оперативники.

– Я как раз в ту ночь дежурил. Около часа нас дернули, как раз только чайник поставил, – сидевший у окна светловолосый крепыш покосился на стоящую в углу тумбочку с электрическим чайником. – Ну, что о нем сказать? С виду обычный парень, ничего выдающегося. Одет, как все. Джинсы, кроссовки, ветровка. Все при нем было. Документы, телефон, кошелек. Денег немного, тысячи три с мелочью. Кровищи с него изрядно вышло, конечно. Три раза, получается, его ткнули. Два раза в живот, оба в левую сторону, в район селезенки, и по горлу. Вот с горла кровищи целая лужа на-текла.

– Свидетелей, конечно, нет, – предположил Малютин.

– Ну а какие свидетели посреди ночи? – крепыш усмехнулся, – там еще место такое неудачное, не то чтобы парк, скверик, но в любом случае до ближайших окон метров двести будет. Да и собачники уже все домой ушли. Так что никто ни ухом ни нюхом.

– А звонок от кого был?

– Нашлась дамочка одна с повышенным героизмом. Она от метро шла и углядела Апраксина этого. Он же перед тем, как упасть, с асфальтовой дорожки шаг в сторону сделал, на газон, а затем так завалился, что разве что его кроссовки и

можно было разглядеть. Освещение там не очень, один фонарь на входе в сквер, другой на выходе. Ну, или на другом входе, смотря с какой стороны идти. Хорошо, кроссы у него белые были. Вот она их и заприметила, более того, не побоялась подойти, да посмотреть, что случилось. На этом, правда, у нее героизм закончился. Мы, когда приехали, дамочка эта уже домой ускакала, мы ее потом еле из квартиры выдернули, чтобы показания зафиксировать. Хорошо, хоть позвонить сумела, а то он бы там до утра мог валяться. Метро-то в час закрывается, кто там среди ночи ходить будет. А так хотя бы время смерти точно определить можно.

– Камер наблюдения в этом сквере, я так понимаю, тоже нет?

– Естественно, – радостно закивал хозяин кабинета, – так что, парни, скажу вам, как есть. Очень и очень рад, что вы это дело у нас забираете. Я, правда, краем уха слышал, что оно на Петровку пойдет, а тут надо же, главное управление. Если не секрет, с чего вдруг такой интерес к этому мальчонке? Вроде, предки у него люди не шибко приметные.

– Почему оно к нам попало, это я тебе могу объяснить, – усмехнулся Малютин, – одну особо энергичную следачку из городского управления, ту самую, которая твоим Апраксиным заинтересовалась, дернули наверх, в главное. Ну а она, не то в силу своей энергичности, не то по другой какой причине, в это дело вцепилась и так вместе с ним в новый кабинет и переехала.

– Надо же, и такое бывает, – удивился молчавший все это время второй районный оперативник, худой и высокий, с усталым лицом человека, только что отработавшего ночное дежурство, – видать, чует дамочка быстрое раскрытие. Интересно только, на чем эта ее чуйка основывается?

– Вот честно, мужики, сами не знаем, – Малютин прижал руку к груди, – во всяком случае, мы пока никакой толковой информации от нее не получили.

– Так ведь оно обычно так и выходит, – вступил наконец в разговор Панин, – опера следакам информацию приносят, чтоб наоборот было, такого я особо и не припомню.

– Но ведь она не просто так за это дело уцепилась, – возразил крепыш, – и потом, мне вот интересно, с самого начала, чего она вдруг этим Апраксиным заинтересовалась? Кстати, теперь это не мой Апраксин, это, слова богу, ваш Апраксин. Ну так что, чего в нем такого удивительного?

Малютин и Панин обменялись быстрыми взглядами.

– Ладно, парни, не скрытничайте, – сосед крепыша по кабинету выбрался из-за стола и, подойдя стоящей в углу тумбочке, включил чайник, – в конце концов, это же неофициальная информация.

– Если неофициально, – после секундной паузы отозвался Малютин, – то есть основания предполагать, что характер нанесенных Апраксину ранений идентичен тем, что уже встречались в других делах.

– Я же говорил, – крепыш удовлетворено кивнул, – у нас

у соседей год назад примерно была похожая история. Там, правда, не студент был, бомж какой-то, но горло ему точно так же проткнули. Не полоснули, а именно проткнули. Не часто такое встретишь.

– А соседи, это у нас какое УВД будет? – насторожился Панин.

– Черемушки. Месяц точно не помню, но весной. Либо в конце марта, либо в начале апреля. Снег уже почти весь растаял. Вам к ним заскочить проще, здесь же рядом. Думаю, они эту историю сразу вспомнят.

– Заскочим, – кивнул Малютин. – Вы нам, мужики, вот что скажите, вы маршрут, по которому шел Апраксин, обрабатывали?

– Скажешь тоже, – фыркнул высокий оперативник, заливая кипятком чайный пакетик, – во-первых, так быстро только сказка сказывается, – у нас, кроме этого Апраксина, на каждом по дюжине дел висит. А во-вторых, изначальная версия была – убийство из хулиганских побуждений. А хулиганка, она как делается? Идут разные граждане на встречных курсах, идут себе, а потом пересекаются. И одному гражданину походка другого крайне не нравится, оскорбительной она ему кажется. Ну а что, так бывает, особенно если в себя пол-литра опрокинуть или по вене какую гадость пустить. В итоге крайне оскорбленный гражданин высказывает свое недовольство обидчику, ну а поскольку тот может оказаться не очень понятливым, и одних слов порой недостаточно,

для большей убедительности он использует ножик с лезвием сантиметров эдак пятнадцать-двадцать. Два раза в пузо, один по горлу. После чего граждане, те, которые могут идти, конечно, продолжают путь в известном только им одним направлении, а те, которые идти не могут, лежат себе тихонько на травке и дожидаются приезда труповозки.

– Мы ж не школьники, – Малютин недовольно нахмурился. – Ты этот ликбез нам к чему озвучил?

– А к тому, уважаемые «не школьники», – ухмыльнулся ему почти из-под потолка собеседник, – возникает вполне уместный вопрос, если все было примерно так, на фига отрабатывать маршрут потерпевшего? У нас что, были основания предполагать, что его выслеживал наемный убийца или, упаси бог, серийник? С родителями его мы пообщались. Они ничего путного сказать не смогли, во всяком случае, убеждали нас, что врагов у сына быть не могло. Так что, кто его и, главное, зачем мог выслеживать?

– Институт? – уточнил Панин. – Работа? Он же, вроде, в кофейне какой-то подрабатывает.

– Вот туда мы еще не совались, – отхлебнув чая, оперативник расплылся в довольной улыбке, – хорошо горяченького после смены, да послаще. А то как ночь не посплю, так на утро меня подмораживает чего-то.

– Сахар, – буркнул в ответ Панин, вставая со стула.

– На тумбочке, – отозвался собеседник.

– Сахар проверь, – вздохнул Михаил Григорьевич, – бы-

вает, от переутомления уходит, тогда знобить начинается.

Распрощавшись с коллегами, Малютин и Панин вышли на крыльцо. Денис достал из кармана сигареты и закурил, а Михаил Григорьевич тут же уткнулся в экран мобильного телефона.

– Ты там на что засмотрелся? – сделав пару затяжек, любопытствовал Малютин.

– А вот гляди, – Панин повернул смартфон экраном к напарнику, – пацан шел примерно этим маршрутом. Не так уж далеко выходит, всего-то пару километров. Да и погода была неплохая, так что смысла вызывать такси ему точно не было. Он же не для того вечерами работал, чтоб потом деньги на такси прокатывать.

– Здесь двумя путями пройти можно, – Денис аккуратно увеличил изображение, – либо с этой стороны дома, либо с противоположной.

– Вот мы и пройдемся, – кивнул Михаил Григорьевич, – и с этой, и с противоположной. Посмотрим, какие еще варианты есть, а заодно приглядимся, где по ходу его движения камеры были. Четыре дня прошло. Думаю, записи еще целы, не поздно изъять.

– Ну что же, пойдем пройдемся, – согласился Малютин. – Если повезет, может, чего на камерах и углядим. Вряд ли в первом часу по району много народу шаталось. Все же не пятница.

Оставив машину припаркованной на стоянке, оператив-

ники двинулись к небольшому скверу, расположенному всего в нескольких сотнях метров от здания полицейского управления. Тому самому скверу, в котором четыре дня назад был убит студент второго курса Высшей школы экономики Константин Апраксин.

В то самое время, как Малютин и Панин вышагивали по маршруту, пройденному несчастным студентом перед своей гибелью, Крылова сидела в небольшом и не очень уютном кабинете судмедэксперта Алексея Яковлевича Володарского и, сложив губы трубочкой, дула на стоящую перед ней на столе огромную кружку со свежезаваренным крепким чаем. На заварку Алексей Яковлевич прижимист никогда не был, особенно в тех случаях, когда человек, которого он угощал чаем, заявился не с пустыми руками.

Брать с собой на вскрытие торт Вику уже давно, еще четыре года назад, научил Реваев, как только взял себе под крыло.

– Многие с коньяком идут, особенно когда им заключение поскорей сделать надо, или чтобы там указано было что-то обязательно, или наоборот не указано, – с добродушной улыбкой объяснял полковник, – те, у кого с фантазией совсем плохо, водку тащат. А все от того, что нами кто правит?

Идиоты, с юношеским задором хотела было отозваться Вика, но вовремя успела сдержаться.

– Правильно, – кивнул Реваев, хотя она не произнесла и слова, – стереотипы. Никуда от них не денешься. Если че-

ловек в морге работает, значит, непременно пьет изо дня в день, причем прямо в секционной. А учителю, особенно если женщина, непременно надо цветы и конфеты. Только ведь на самом деле и в школе от хорошего коньяка не откажутся, и в морге любят чай с тортиком погонять. К тому же от сладкого настроение улучшается. А когда у медэксперта хорошее настроение, он тебе разом заключение оформит.

Настроение у Алексея Яковлевича было действительно благодушное. Быстро управившись с первым куском торта, он положил себе в блюдо второй и постучал ножом по лежащей рядом крышке от упаковки.

– «Счастливей еврей»! Сколько я их уже переел, а до сих пор удивляюсь, как такое название придумали. И вот интересно, кто это так пошутил, сами евреи или, наоборот, кто-то над ними посмеяться хотел.

– Ой, Алексей Яковлевич, тут разве что-то обидное в названии? – смутилась Вика. – А я их беру вам все время.

– Бери дальше, – прочавкал Володарский, – вкуснятина! Но все равно, ты ешь его и понимаешь, что есть в этом какой-то каннибализм. Что у тебя на сегодня на полдник было? Да, ерунда, еврея сожрал. Ну и как он? Ничего, веселый. Вот такой примерно разговор получается! А со мной так вообще в некотором роде выходит, что я соплеменника стрескал.

Впав в состояние задумчивости, Володарский быстро отправил в рот здоровенный кусок торта и энергично заработал челюстью.

– Хотя, – вновь оживился медэксперт, – какие они мне соплеменники? У меня мама казачка была донская.

– Скажите, Алексей Яковлевич, осторожно спросила Вика, – а когда вы «Наполеон» едите, тогда вас мысли о каннибализме не посещают?

На несколько мгновений Володарский задумался.

– Нет, – в конце концов решительно отозвался он, – не посещают. Когда «Наполеон» ем, тогда я про коньяк думаю. Как говорится, один Наполеон – хорошо, а два лучше.

Довольный своим остроумием, Володарский негромко хихикнул и вытер губы салфеткой.

– Ну что же, с приятным мы разобрались, можем переходить к полезному. Ты ведь приехала, потому как от меня официальное заключение поскорей получить хочешь?

– Вы как всегда проникательны, Алексей Яковлевич, – Вика отодвинула в сторону блюдце с недоеденным тортом.

– Ну что же, будет тебе твое заключение. Бумажки я все заполнил. Мое личное мнение тебе сказать?

– Говорите, конечно, – вскочила было с места Крылова, но повинувшись благодушному движению руки Володарского, вновь опустилась на стул.

– У нас ведь сейчас в чем проблема? – Алексей Яковлевич поправил очки на мясистом, с розовыми прожилками носу. – Проблема у нас в данном случае, впрочем, как и во всех остальных, в том, что преступления совершаются в разных районах. Поэтому, до тех пор, пока кто-то не решит их

объединить по какому-то признаку, по ним мало того, что работают разные следователи и, прости господи, оперативники, так ведь, что самое ужасное, вскрытие делают совершенно разные люди. А у каждого, как ты сама понимаешь, совершенно разная квалификация.

Володарский тут же театральным жестом прижал обе руки к сердцу.

– Я ни в коем случае не хочу подвергнуть сомнению квалификацию моих коллег. Все они, безусловно, хорошие люди и, возможно, даже неплохие специалисты. Но все равно каждый из них видит лишь один отдельно взятый эпизод, который, как ты сама понимаешь, не дает никакой возможности восприятия всей картины. Это как кусочку цветного стекла пытаться представить витраж в храме Святого Семейства.

Всем видом выражая согласие, Крылова энергично закивала. С сомнением взглянув на нее, медэксперт уточнил:

– Это в Барселоне. Будешь в тех краях, *must visit** (* *сноска англ. – обязательно, необходимо к посещению*).

Закатив глаза под потолок, Володарский на мгновение застыл, очевидно, пытаясь воссоздать в памяти шедевр монументального искусства, столь потрясший его впечатлительную натуру.

– Так вот, сам я имел счастье вскрывать только двоих, а, как ты утверждаешь, подобных образцов уже почти с десятков наберется. Поговорку ведь знаешь? Один раз случайность, два раза совпадение, три – закономерность. Получается, за-

кономерность я тебе гарантировать не могу, но и в совпадение тоже не верю.

– Алексей Яковлевич, – не выдержав, взмолилась Крылова, – скажите уж, наконец, в чем дело!

– Экая ты торопыжка, – медэксперт укоризненно покачал головой. – Твое счастье, что еврей вкусный попался, а то б ведь обиделся, да и не стал ничего говорить. Куда тебе спешить? Апраксин он уже и так твой, никуда не денется, а новые поступления такого рода, не думаю, что скоро предвидятся. Если их за два года всего семь или восемь было, значит, следующего теперь месяца три ждать придется. Ну ладно, я не обидчивый. К какому, значит, я пришел выводу? Вывод такой: характер нанесенных ранений позволяет предположить с высокой степенью достоверности, что оба последних нападения совершены одним человеком. Могу сказать тебе со всей уверенностью, удары в горло и в том, и в другом случае стопроцентно идентичные. По поводу остальных ранений такого не скажу, но этого, на мой взгляд, быть и не должно.

– Почему? – удивилась Вика.

– Это же очевидно, – Володарский снисходительно взглянул на нее сквозь толстые стекла очков, – каждый раз нападения совершаются в разных условиях. В этот раз преступник и жертва двигались встречными курсами, хотя, возможно, погибший успел обернуться. В феврале у нас с тобой помнишь, что было? Там удары наносили со спины, в область

почек.

– Но заканчивалось все одним и тем же.

– Это тоже вполне естественно, – жертва уже не в состоянии ни бежать, ни сопротивляться, свидетелями, я так принимаю, по близости и не пахло. Преступник может спокойно занять любимую позицию и нанести свой коронный удар. Жаль, что в остальных случаях не ко мне обращались, тогда картина была бы точнее, но, судя по тем протоколам вскрытия, что ты мне показывала, кроме этих двух, у тебя еще как минимум шесть покойничков, которых отправили на тот свет одним и тем же способом. Так что, Виктория Сергеевна, поздравляю тебя. Искренне поздравляю!

– С чем? – не поняла Крылова.

– Ну как же, – медэксперт изумленно взглянул на собеседницу. – Это же серия. Как нынче говорят, маньячелло! Изловишь такого, и сразу тебе от руководства любовь и признательность. Возможно, даже в денежном выражении. А уж новое звание, это как пить дать. Ты у нас кто сейчас будешь?

– Капитан, – настороженно отозвалась Крылова.

– Капитан, – Володарский презрительно фыркнул, – дама должна быть как минимум подполковником.

– Подполковником, – растерянно повторила Вика, а затем, нахмурившись, уточнила, – Алексей Яковлевич, вы сейчас точно про звание говорите?

– И про звание в том числе, – беззаботно отмахнулся Володарский. – Держи свое заключение, можешь ехать ловить

маньяка. Поймаешь, скинь мне фото, уж очень интересно, что за персонаж такой. Я, знаешь, ли, придерживаюсь той гипотезы, что Ламброзо не так уж и сильно заблуждался, как утверждает современная наука.

– Пришлю, – Крылова кивнула, пряча документ в сумку, – если поймаю, непременно пришлю.

– Не если, а когда, – проворчал, провожая ее к двери, мед-эксперт, – следователь должен в себя верить, иначе это не следователь, а недоразумение какое-то.

В ту самую минуту, когда Крылова прощалась с Алексеем Яковлевичем, Гена Распашной вышел из подъезда дома, в котором жили Апраксины.

Родители убитого студента не сказали ему ничего. Ничего из того, что действительно могло бы представлять хоть какой-то интерес. Хороший мальчик. Очень хороший мальчик. Спокойный, трудолюбивый, упорный. Близкие друзья? Нет, не было. Во всяком случае, домой никого не приводил уже года четыре. Почему? Ну как же! В старших классах надо было готовиться к экзаменам, не до друзей было. В институте тоже учеба была не самой простой, ко всему прочему Костя решил, что уже взрослый и должен сам себя обеспечивать. Удавалось? Конечно, не полностью, но на карманные деньги не клянчил. В кофейне, откуда он возвращался домой в тот вечер, здесь была затянувшаяся на несколько минут пауза со слезами на дряблых щеках и торопливыми глотками воды,

смешанной с настоем валерианки, да в той кофейне Костя работал уже полгода, даже больше, с прошлого августа. Вечерами, с шести до полуночи. Уставал, конечно, уставал. Но говорил, что график для него удобный. Три смены отработает, затем три отдыхает. Как раз у него последняя смена была, затем отдохнуть мог бы.

Опять слезы, вода, валерианка...

Гена взглянул на часы. Самое время перекусить, но тогда есть вероятность, что пока он будет добираться по пробкам от Коньково до Покровского бульвара, в институте однокурсников Апраксина уже не окажется, разве что удастся выловить кого-нибудь в библиотеке. Нет, лучше уж сразу двинуть в институт, там видно будет, в конце концов, можно посетить и местную столовую, проверить, чем кормят будущих спасителей национальной экономики.

Здание института, вернее, целый комплекс зданий, объединенных высоченными стеклянными крышами гигантских атриумов, Распашному понравилось. Приятно было смотреть на бегущие над головой белесые облака, на спешащие мимо стайки студентов, а главное, студенток. Да, его студенчество, если таковым можно считать годы, проведенные в университете МВД, явно было не столь беззаботным. Что же, спасибо дорогому папочке.

Вздыхнув, Гена ухватил за руку первого попавшегося проходившего мимо студента.

– Подскажи-ка, родной, где тут у нас деканат находится?

– Какого факультета? – молодой человек предпринял робкую, заранее обреченную на провал попытку освободиться.

– Ах, да, – спохватился Распашной, – у вас же тут много всего напихано. Стой, не убегай!

Отпустив руку студента, Гена обеими руками принялся шарить у себя по карманам, пока не обнаружил и без того небольшой, в придачу еще зачем-то сложенный вдвое бумажный квадратик.

– Вот, – продемонстрировал он находку.

– Экономических наук, – студент понимающе кивнул. – Видите лестницу? По ней на четвертый этаж и прямо по коридору. Там на дверях таблички, не пропустите. А вы, случаем, не по поводу Апраксина?

– У меня это что, на лице написано? – Гена удивленно взглянул на студента.

– Почти. Все ведь уже в курсе, что с ним случилось. Ну и когда на его факультет приходит человек из полиции, нетрудно сделать вывод.

– А про полицию как узнал? На вахте видел, как я корочку показываю? – озадачился Распашной.

– Да замашки у вас такие, – молодой человек едва заметно усмехнулся, – быковатые. Сразу ясно, из какой структуры.

– Быковатые? – Гена моментально ухватил наглеца за пуговицу. – Мало ты в быках разбираешься, ветеринар недоученный.

– Вы меня сейчас задерживать будете? – полюбопытство-

вал молодой человек, не показывая ни малейшего испуга.

– Нет, сегодня некогда, работы много, – Распашной с силой дернул на себя руку, и оторвавшаяся от рубашки пуговица полетела на пол. – А ты в порядок себя приведи, а то ходишь драный, как не пойми что.

В деканате выяснилось, что самого декана, как и подобает уважающему себя начальнику подобного ранга, на месте нет. Ткнув удостоверением в лицо вскочившей было на ноги секретарше, Гена, оставив у себя за спиной приемную и томящуюся в ней очередь, пробился в кабинет заместителя декана по учебной работе, откуда довольно быстро был перенаправлен этажом ниже в учебную часть, которая отчего-то носила длинное и, как показалось Распашному, довольно глупое название: отдел сопровождения учебного процесса образовательных программ. В учебной части он получил в сопровождающие одну из сотрудниц, на столе у которой на подставке была закреплена пластиковая табличка с надписью: «Специалист УМР первой категории Лопухина Анастасия Владимировна».

Специалист первой категории была девушкой еще достаточно молодой, но, на взгляд Геннадия, недостаточно привлекательной, поэтому довольно долгий путь по коридорам, лестницам и опять коридорам до нужной аудитории был пройден молча.

– Хорошо, что сейчас не общая лекция, – произнесла девушка, прежде чем открыть дверь кабинета.

Гена равнодушно пожал плечами, хотя на самом деле был согласен. Особого смысла общаться со всем курсом он не видел, а то, что группа, в которой учился Апраксин, уже собрана в отдельном и не слишком большом по размеру помещении, ему на руку.

Выслушав посланца деканата, преподаватель лишь недоуменно пожал плечами и, бросив короткий взгляд на стоящего у входа оперативника, обратился к студентам:

– Что же, друзья мои, тема занятия внезапно изменилась, и в связи со спецификой предстоящей к рассмотрению темы, разбирать ее вы будете с другим наставником, – он вновь обернулся к Распашному. – Прошу вас, молодой человек.

Заняв место преподавателя, Геннадий придвинул к себе лежащий на столе журнал посещаемости.

– Что тут у нас по учету? Восемнадцать на месте, трое отсутствуют. А по факту? – он быстро пересчитал присутствующих. – Надо же, сходится, – он поманил к себе пальцем Лопухину. – На этих троих все данные мне предоставьте. Адреса, телефоны. Ближайшие час-полтора я буду здесь. Они тоже.

Он небрежно махнул рукой в сторону аудитории, в ответ послышался возмущенный гул.

– У них еще семинар сегодня, – робко попыталась возразить представительница отдела сопровождения, – очень нежелательно пропускать его. Сами прониимаете, конец семестра.

– О студентах заботитесь? – Распашной недобро прищурился, разглядывая стоящую перед ним девушку. – Это хорошо. Это просто замечательно. А вот то, что Апраксин эту сессию, да и все остальные пропустит, вас не заботит?

– Простите, – Лопухина нервно сцепила перед собой пальцы рук, – но что... что я могу...

– Я могу, – резко перебил ее Распашной, – я и мои коллеги, которые пытаются понять, кто убил вашего студента, – он перевел мрачный взгляд на притихшую аудиторию, – и вашего одногруппника. А что можете вы? Я вам скажу, что вы можете. Вы можете оказывать мне максимальное содействие, честно отвечая на те вопросы, что я буду задавать, и даже на те, которые я задавать не буду. А вы, Анастасия Владимировна, можете как можно скорее принести мне данные на всех отсутствующих. Если к ним будет прилагаться чашечка кофе, желательно покрупнее, в виде кружки, цены вам не будет. Вы тогда не просто специалист первой квалификации будете, а высшей. Я бы даже сказал, наивысшей.

Выпроводив из аудитории сбитую с толку Лопухину, оперативник достал из внутреннего кармана пиджака удостоверение.

– Капитан Распашной, главное управление уголовного розыска. Ну что, друзья мои, – он повторил интонацию недавно ушедшего педагога, – поговорим по-взрослому. Я, конечно, ненамного вас старше, но ведь и вы уже не дети, как-никак второй курс оканчиваете. Поэтому очень надеюсь, что в на-

шем общении проблем не возникнет, и, если среди вас есть те, кто окажется в состоянии мне хоть чем-то помочь, эти люди действительно мне помогут. А мы, я и Костя Апраксин, скажем вам большое человеческое спасибо. Костя, конечно, словами уже сказать не сможет, но это же не значит, что мы его не можем услышать. Верно я говорю?

Студенты молчали, некоторые из них нервно переглядывались между собой.

– Верно, – согласился сам с собой Гена. – Тогда приступим. Организовано мероприятие будет следующим образом: вы все выходите в коридор, потом заходите по одному. Я с каждым беседую, беру контактные данные. После беседы можно идти на все четыре стороны. Сразу говорю, вызывать буду по журналу, в алфавитном порядке. Староста у вас кто?

– Я, – вскочила с места невысокая девушка, – Фильчикова Татьяна.

– Фильчикова, – Гена вновь заглянул в журнал посещений, – замечательно, что ты Фильчикова.

– Почему? – удивилась студентка.

– Так ведь тебе так и так до конца дежурить. Контролировать, чтобы никто не разбежался. А ты, оказывается, еще и по алфавиту последняя. Так что все совпало. Друзья мои, – в голосе оперативника зазвучали те самые нотки, которые одни впечатлительные натуры именуют железными, а другие, еще более впечатлительные, угрожающими, – друзья! Сразу предупреждаю, не надо из коридора никуда разбегаться. Ес-

ли вы не хотите, экстремальных аттракционов типа собака, дубинка, наручники, то стоим спокойно и ждем своей очереди. Уверяю, если вас доставят на допрос принудительно, времени вы потеряете больше. Да и не только времени. Все, вводная часть закончена. Прошу всех в коридор. Кто у нас первый по букварю? Баринава? Прошу ко мне.

Глава 4

Вечер понедельника

Лифт тронулся вниз, и Вика, пользуясь выпавшими ей наконец несколькими мгновениями ничегонеделания, устало закрыла глаза. Да уж, день выдался не самым простым. Получить в производство сразу два новых дела, да еще в придачу к тому, что она сама притащила за собой с прошлого места работы. Должно быть, Карнаухов решил преподать ей небольшой урок. Хотя почему небольшой? Судя по той картине, что перед ней за день возникла, все три дела будут весьма непростыми, и вряд ли можно рассчитывать на то, что благодаря усилиям какого-нибудь необыкновенно доброго волшебника или чрезвычайно усердного оперативника на ее рабочем столе появится чистосердечное признание подозреваемого хотя бы по одному из дел, или, бог с ним, с чистосердечным, папка. Самая обыкновенная папка. Необыкновенным будет лишь ее содержимое, которое позволит передать дело в суд даже без всякого признания. Только где же ее взять, такую папку? В волшебников, особенно добрых, она перестала верить еще в детстве, а в чрезвычайно усердных оперативников...

Вика открыла глаза, а мгновение спустя распахнулись створки лифта. Выйдя на стоянку, Крылова вспомнила, что за весь день ни разу не позвонила Жоре, хотя несколько раз

собиралась это сделать. Подойдя к машине, она вместе с брелоком от машины достала из сумочки мобильный телефон и уже успела разблокировать экран, когда за плечом у нее слышался веселый голос:

– Надо же, какой чудо-мобиль. Прямо паровозик из Ромашкино.

Вика стремительно обернулась. Не глядя на нее, Распашной подошел ближе к миниатюрному ярко-зеленому Смарту и небрежно похлопал ладонью по крыше.

– Его если и впрямь ромашками разрисовать, шикарно получится. Будет с вами вместе необычайно гармонично выглядеть.

– Вот возьмите и свой автомобиль разрисуйте... ромашками, – возмущенно отозвалась Крылова. – Вы-то сами на чем ездите?

– Боюсь, мой бультерьер с ромашками не сочетается, – Генна оглянулся на стоящий неподалеку черный Х6. Я даже весь хром пленкой заклеил, а вы говорите, ромашки. А вот на вашей полянке, – он вновь похлопал маленькую машинку по крыше, – выглядело бы ну очень органично.

– Скажите, а вы сюда специально приехали, чтобы цветоводством заняться? – Вика попыталась перейти в наступление. – Мне кажется, мы на сегодня о встрече не договаривались.

– Случайные встречи, случайный тот вечер... – ухитрившись довольно точно попасть в ноты, пропел оперативник. –

Скажите, Виктория Сергеевна, у вас, как правило, в производстве сколько дел одновременно? Я не говорю про сегодня, понятно, вы здесь только к работе приступили, еще обрести не успели. Но вот обычно? Среднестатистически?

– Даже в этом вы ошиблись, – Вика иронично усмехнулась. – На сегодняшней вечер у меня в работе три дела. А что, это имеет какое-то отношение к ромашкам?

– Самое непосредственное, – уверенно отозвался Распашной. – Понятно, вы, следователи, с высот своего положения можете об этом не подозревать, но у нас, простых оперативных сотрудников полиции тоже по несколько дел в работе одновременно. И уверяю вас, три, это совсем небольшая цифра. Я бы сказал, малюсенькая. Так вот, работая по нескольким делам, оперативный сотрудник, как правило, взаимодействует одновременно с несколькими следователями, ну а я как сотрудник главного управления уголовного розыска чаще всего контактирую со следователями главного следственного управления. Ну как, ход мысли улавливаете?

Вика еще не успела и рта открыть, чтобы ответить, как Гена выпустил заключительный залп:

– Вы, Виктория Сергеевна, не единственный следователь в этом здании, с которым я могу договариваться о встрече. Но все равно, я искренне рад вас видеть.

– Извините, – пробормотала Крылова. – И как ваша встреча, прошла успешно?

– Более чем, – утвердительно кивнул оперативник, – но

раз мы с вами здесь так нечаянно пересеклись, могу и с вами кое-какой информацией поделиться.

– Сейчас? – Вика непроизвольно взглянула на часы.

– Понимаю, – растягивая гласные, промурлыкал оперативник, – у столь прекрасной девушки должны быть не менее прекрасные планы на вечер.

– Вы даже не представляете себе, насколько прекрасные, – в тон ему отозвалась Крылова, убирая телефон обратно в сумку.

– Уверяю, провести вечер в моей компании может быть не менее увлекательно, а скорее всего, – Гена выпятил грудь вперед и подбоченился, – даже более. У меня у приятеля есть катер. Можем по Москве-реке погонять. Возьмем шампанского, малость почилиим* (* – сноска *Чилить* – сленг. *отдыхать, расслабляться*). Погода позволяет.

– То есть мы этим прямо на катере заниматься будем? – Вика удивленно уставилась на оперативника.

– Можно и на катере, – от неожиданности Распашной немного смутился. – А «этим», это чем именно?

– А это именно то, чем мы с вами должны заниматься, – холодно отозвалась Крылова, – выслушивать отчет о проделанной вами за день оперативной работе.

– Ах, вот как, отчет, – Гена разочарованно вздохнул, – думаю, с этим мы и на берегу можем управиться. Оно ведь всегда приятнее, когда под ногами ничего не качается.

– Если можно, короче, – уверенным тоном перебила его

Крылова, – вы же помните, у меня еще планы на вечер.

– Тогда совсем коротко, – кивнул оперативник. – С родителями пообщался. Они, как родителям и положено, ничего не знают. В институте был. Здание, надо сказать, такое интересное, с атриумом...

– Короче, – настойчиво повторила Вика.

– Поговорил с группой Апраксина. Из двадцати одного человека на месте было восемнадцать. Контакты отсутствующих взял, так что ближайшее время и с ними пообщаюсь. Те, кто были, особо путного ничего сказать не могли. В целом этот парень, Апраксин, был не очень общительный. Не то что, нелюдимый, просто немного сам по себе. Да и работал он постоянно, так что ему не до тусовок было. Лекции кончились, он и поскакал. Отношения со всеми поддерживал довольно ровные. Правда, несколько человек сказали, что на первом курсе у него был довольно серьезный конфликт как раз с одним из отсутствующих. Даже до рукопашной дошло, и победа досталась Апраксину. Не нокаутом, но, скажем так, за явным преимуществом.

– И что, конфликт был настолько серьезным, что спустя год из-за него могли убить?

– Вы же сами понимаете, серьезно-несерьезно, у каждого своё представление. Здесь вопрос скорее персональной гордыни, ну и злопамятности. Как-никак с того переполоха уже год прошел. Я узнавал, изначально причина была довольно ерундовая, один малость нахамил, другой ответил.

– Я так понимаю, Апраксин был именно «другим».

– Да, зачинщик не он. Инициатором всего представления был некто Бородин Юрий Всеволодович. Этот же Юрий Всеволодович и огреб по фейсу несколько раз, пока их остальные не растащили. Народу, между прочим, присутствовало много, целая группа. Они прямо в аудитории хвостами зацепились. Да, в придачу ко всему, у этого Бородина папа солидная фигура в правительстве. Так что мальчик еще тот мажор.

– Вроде вас? – уточнила Крылова.

– Вроде, – не стал спорить Распашной, – только у него папа выше моего подпрыгнул.

– Я поняла. Зацепился за тучку и плавает теперь на ней, плавает...

– Вокруг солнышка, – с улыбкой подхватил Гена. – Видите, Виктория Сергеевна, какое у нас с вами взаимопонимание сложилось. С полуслова. Это ли не верный знак, что пора нам перейти на «ты» в общении.

– Нет, Геннадий, – разочаровала его Крылова, – не умеете вы правильно знаки истолковывать.

– Да? – оперативник разочарованно почесал затылок. – Но ведь какой-то знак все же был?

– Это был знак о том, что, если вам нечего мне больше сообщить, то я с вами прощаюсь. Не затягивайте беседу с Бородиным, да и еще двоих, кого сегодня не было, тоже опросите. Как управитесь, милости прошу ко мне, только предварительно прихватите с собой коллег. Надеюсь, им тоже бу-

дет, чем со мной поделиться.

– Ну да, с друзьями оно завсегда веселее, – пробурчал Распашной и, махнув на прощание рукой, направился к своему внедорожнику. – Что мне снег, что мне зной, что мне дождик проливной, когда мои друзья со мной, – через мгновение донеслось до Крыловой.* (*сноска – Геннадий напевает строчки из песни «Когда мои друзья со мной», стихи М. Танич, музыка В. Шаинский)

Садясь в машину, Вика улыбнулась. Сквозь показную веселость в голосе оперативника явно слышалась плохо скрываемая досада.

Час спустя, открыв дверь ключом, Вика вошла в квартиру и прислушалась к доносившемуся из гостиной негромкому бормотанию телевизора. Судя по голосу комментатора, боксерский поединок был в самом разгаре, и ни одна из сторон пока не собиралась сдавать свои позиции.

– Я дома, – оповестила Крылова о своем приходе.

– Радостное событие, – из гостиной послышалось угрюмое ворчание, – быть может, меня наконец кто-нибудь покормит.

В дверном проеме показалась массивная опирающаяся на костыли фигура.

– Привет, – подойдя к мужу, Вика наклонилась и поцеловала его в подставленные губы. – Как у тебя день прошел?

– Мимо! Как он еще у меня пройти может? – недовольно поморщился Мясоедов и двинулся в сторону кухни. – Что у нас сегодня в плане ужина?

– А ты картошку почистил? – уточнила, уже предвидя ответ, Крылова.

– Нет, времени не было.

– Времени? – растерянно переспросила она.

– Времени, – Жора повернул голову и бросил на нее недовольный взгляд. – Если честно, настроения тоже не было. Еще больше, чем времени.

– Тогда макароны, – вздохнула Вика.

Вздыхать было от чего. Настроения у Жоры не было уже несколько месяцев, с того самого дня, когда медицинский консилиум вынес окончательный вердикт, – ближайшее время пациент, перенесший несколько сложнейших операций и чудом оставшийся в живых, вряд ли встанет на ноги. Что касается будущего, причем весьма отдаленного, то какие-то перемены можно будет ожидать лишь после того, как современная медицина сделает очередной шаг вперед, а она, по уверению людей в белых халатах, такие шаги время от времени делает. Был еще один вариант, но надеяться на него, как поняла Вика после разговора с лечащим врачом, особо не стоило.

– Видите ли, – уже немолодой врач тщательно подбирал слова, вероятно опасаясь внушить девушке неоправданные надежды, – нейронные связи в целом и процесс их регенерации в частности современной медициной изучены еще не до конца. Поэтому от нынешнего состояния пациента могут происходить подвижки как в ту, так и в другую сторо-

ну. Впрочем, – он предупредительно коснулся ладонью плеча собеседницы, – изменений к худшему мы не прогнозируем. Накопленная практика, можете поверить, она достаточно обширна, дает возможность утверждать, что все двигательные функции организма, которые оказались не затронуты, будут и дальше сохраняться в полном объеме, естественно, с поправкой на возрастные изменения организма. Ну и образ жизни, сейчас это необыкновенно важно. Физическая активность, правильное питание, контроль массы тела...

– Я поняла, – Крылова не дала ему договорить. – Хуже быть не должно. А лучше? Лучше стать может?

– Я не хочу вас обнадеживать, – покачав головой, доктор отступил на полшага назад, – есть документально зафиксированные случаи, когда у пациентов с подобными травмами спустя некоторое время наблюдалась положительная динамика. Но вы должны знать, такие случаи единичны, и чем они вызваны, точного ответа нет ни у меня, ни у кого-либо еще. Ну, разве что... – с грустной улыбкой врач ткнул указательным пальцем под потолок, – но, к сожалению, оттуда с нами информацией пока не делятся.

Со времени этого разговора уже прошло около полугода, но голос пожилого хирурга все еще звучал в памяти Виктории:

– Надо верить. Вы должны верить в него, а он в себя. Тогда можно справиться с любыми трудностями.

Врач был прав, несомненно прав, вот только Мясоедов

верить в себя и в то, что жизнь отнюдь не потеряла всякий смысл, отказывался категорически. Дни напролет он проводил, сидя в кресле у телевизора. В погожие дни он иногда выбирался на улицу, доезжал в подаренной ему бывшими коллегами прекрасно оснащенной электроколяске до ближайшего супермаркета, где покупал несколько банок пива, выпивал половину из них, сидя посреди детской площадки и с угрюмым видом взирая на копошащихся в песочнице малышей, которых, впрочем, быстро уводили молодые мамочки, весьма обеспокоенные столь странным и неприятным для них соседством.

Крылова, которую однажды две из таких мамочек остановили у подъезда и настоятельно попросили провести с мужем воспитательную беседу, предприняла честную попытку убедить Жору не портить отношения с соседями по дому.

– Ты понимаешь, – пыталась она подобрать убедительные аргументы, – это сейчас со мной говорили, причем женщины. А если с тобой придут разбираться их мужья? Что тогда?

– Тогда это несколько скрасит мои серые будни, – как ни в чем ни бывало отозвался Жора. – Я конечно малость ослаб за последнее время, но уверяю, если кто-то приблизится на расстояние вытянутых рук, – он выставил перед собой два огромных кулака, медленно распрямил, а потом вновь стиснул пальцы, – уверяю тебя, из этих самых рук уже никто не выскользнет. И потом, у меня же коляска по вооружению как легкий танк. Справа электрошокер, между прочим, от аккумуля-

мулятора заряжается. Слева перцовый баллон на пол-литра. Фишман постарался!

– Фишман? – Вика мысленно прокляла закадычного Жориного друга, а по совместительству командира отряда быстрого реагирования из министерского главка. – А твой Фишман не подумал, во что все это может вылиться?

– Вика, – миролюбиво вздохнул Мясоедов, ну во что это может вылиться? И потом, если случится что-то серьёзное, у меня всегда ствол при себе.

– Ствол? – остолбенела Крылова, ты что, не сдал табельное оружие?

– Ну как я его мог не сдать? – ухмыльнулся Жора, – хотя, нет, и вправду не сдал. За меня все Фишман сделал, когда я в отключке валялся. Но ты же должна понимать. Когда такое было, чтобы у хорошего опера запасной ствол не нашелся?

– Запасной мозг у тебя не нашелся? – в сердцах вспылила Вика. – Ты что, хочешь, чтоб тебя за незаконное оружие посадили?

– Я и так сiju, не переставая, – Мясоедов похлопал ладонью по ободу колеса, – а что касается мозга, особенно спинного, то, знаешь, нет, никакой запаски врачи не обнаружили. Придется довольствоваться тем, что есть. Во всяком случае, мне. У тебя есть выбор.

Единственным плюсом того разговора, закончившегося рыданиями Виктории, запершейся в ванной комнате, было то, что Жора перестал пить на детской площадке. Теперь он

предпочитал сидеть с угрюмым видом немного в стороне от заставленного качелями и детскими горками пяточка и периодически издавая громкий не то вздох, не то стон, разом заглушающий и детский смех и беззаботную болтовню родителей.

Макароны и сосиски. Сосиски и макароны. Стандартный набор, часто встречающийся на столе студентов, холостяков, людей, не умеющих готовить, не имеющих на это время и довольно обширной категории граждан, просто любящих макароны с сосисками. Блюдо, регулярно гостящее на столе сорокадвухлетнего бывшего оперативника Георгия Мясоедова и еще не достигшей своего тридцатилетия следователя главного следственного управления Виктории Крыловой. Не такое плохое блюдо, думала Вика, раскладывая макароны по тарелкам, если сверху еще потереть сыр и немного полить кетчупом, выйдет просто замечательно. Надо только проверить, остался ли со вчерашнего дня сыр.

Сыра в холодильнике не оказалось. По счастью, разукрашенная улыбающимися помидорами пластиковая упаковка с кетчупом была полна еще наполовину.

– Завтра в магазин заскочу, – вслух произнесла Вика, хотя в большей степени обещание она адресовала сама себе, чем молча жующему Мясоедову.

– Ты, вроде, и сегодня собиралась, – прервал процесс перемалывания пищи Жора. – Я, в принципе, к макаронам нормально отношусь, хотя врачи рекомендовали разнообразно

питаться. И меньше мучного.

– А еще они рекомендовали тебе не сидеть без дела, – моментально отреагировала Крылова. – За весь день ты же мог картошку почистить?

– Не мог, – Жора выдавил в тарелку массивную кровавую лужицу, – занят я был. И потом, я же сказал, настроения не было.

– А его у тебя никогда нет, – Вика с трудом удержалась от того, чтобы не отшвырнуть вилку в сторону. – Уже сколько месяцев у тебя изо дня в день нет настроения. У тебя ноги не ходят, да, Жора? Не ходят, да. И это плохо, это очень плохо. Давай я даже скажу, что это ужасно. Но это не конец света, Жора! Это не значит, что всего остального больше не существует. Это неправильно!

– Неправильно? – левая бровь на лице отставного оперативника едва заметно дернулась вверх.

– Неправильно! – оттолкнула от себя тарелку Крылова. – Потому что у меня уже такое чувство, что и меня самой уже тоже нет. Во всяком случае, для тебя. Что я должна сделать, Жора, чтобы ты, наконец, перестал себя жалеть с утра до ночи? Давай купим еще одну коляску, я сяду в нее и не буду вставать – для того, чтобы тебе было не так одиноко. Тогда ты почувствуешь себя лучше?

– Разговор пошел в неправильном направлении, – поморщился Жора. – Ты ешь, а то макарошки остынут, слипнутся.

– В неправильном? Хорошо, давай выберем какое-нибудь

другое. Например, ты расскажешь мне, чем таким занимался целый день, что у тебя не нашлось времени сделать хоть что-то полезное?

– Данный вопрос содержит твое собственное субъективно-оценочное мнение, – невозмутимо отозвался Мясоедов, – и возникает ощущение, что желание высказать это мнение, причем совершенно ошибочное, для тебя гораздо важнее самого вопроса. Но я все же тебе на него отвечу. Во-первых, большую часть дня я дышал свежим воздухом, а это, как уверяют, необыкновенно полезно для моего здоровья.

– Опять пугал детей на площадке, – фыркнула Вика.

Жора пропустил ее реплику мимо ушей.

– А во-вторых, я был занят одним довольно важным делом. Я бы мог даже назвать его оперативно-аналитической деятельностью, но ты же знаешь, я никогда не был сторонником всякой бюрократической зауми.

– Деятельностью? Оперативно-аналитической? – Вика несколько растерялась от неожиданности. – Нельзя ли меня посвятить в какие-нибудь подробности этой деятельности? Для лучшего ее понимания.

– Есть время собирать информацию, и есть время ею разбрасываться, – многозначительно отозвался Мясоедов. – Вторая стадия пока не наступила.

– Но я могу рассчитывать, что ты со мной поделишься? Когда наступит эта твоя вторая стадия.

– Можешь, – кивнул Жора. – Всему свое время. А пока

время пить чай. К чаю ты тоже ничего не купила?

Ничего не ответив, Вика встала из-за стола и высыпала остатки ужина в мусорное ведро. Вечер был испорчен окончательно.

Глава 5

Вторник, 18мая

Утро тоже преподнесло свои неприятные сюрпризы. В начале одиннадцатого отзвонился Распашной.

– Я бы мог приберечь новость для нашей личной встречи, но все же решил воспользоваться поводом и пообщаться с вами прямо сейчас.

– И что за повод? – Вика неохотно оторвалась от экрана компьютера. – Один из трех отсутствовавших вчера сегодня дал вам чистосердечное признание?

– Один из трех отсутствовавших вчера дал мне от ворот поворот, – проворчал оперативник, – причем в самом прямом смысле. Я даже не смог попасть на территорию поселка. Если вы еще не догадались, речь идет как раз о Бородине.

– Догадалась, – не сумела сдержать злорадства Крылова. – И что же, вам не помогло ни служебное удостоверение, ни папа-генерал?

– Да там даже группа захвата не поможет, – мрачно отозвался Гена. – В этом поселке такие люди периметр охраняют, что наши корочки против их никакой роли не играют. Хорошо хоть пистолет потом вернули, а то б вообще лажа вышла. В общем, Виктория Сергеевна, туда если и можно попасть, в чем, правда, я сильно сомневаюсь, то только официально. Делайте повестку, поручение, чтобы мы этого золо-

того мальчика вам доставили, тогда, может, что и получится. Но тоже не факт, сразу предупреждаю.

– Будет вам и повестка, и поручение. Скиньте мне данные этого вашего золотого.

– Сейчас сброшу, а заодно еще данные на его папашу. Вы, когда вопрос согласовывать будете, не забудьте свое руководство просветить по этому аспекту.

– При чем здесь руководство? Слава богу, повестку я и сама могу выписать.

– Не можете, – сухо отозвался Распашной. – Вы можете выписать бумажку, которой я смогу только пыль со шлагбаума протереть на въезде в поселок. Повестку, по которой я смогу вам парня доставить, не можете. Вы меня извините, конечно, но подпись на документе должна быть не ваша. По-солиднее.

– Ах, вот как! – Вика едва не задохнулась от возмущения. – И чью же подпись вы хотели бы видеть? Карнаухова? Или, быть может, самого председателя?

– Второй вариант лучше. Карнаухов фигура не политическая. Это он у вас громовержец, а за пределами следкома о нем никто и знать не знает. Но в любом случае, вам к нему идти надо. Пусть потряхнет звездами, разрулит вопрос.

– А что, нельзя дождаться, когда этот ваш мальчик выйдет с охраняемой территории? Он, что, в институт в ближайшее время не собирается? Посадите его в машину и привезете. Уж с этим-то вы должны сами справиться. Без председателя.

– Уфф, – Гена страдальчески вздохнул. – Тяжело с вами общаться, хотя, конечно, приятно. Ладно, попробуем угодить желанию женщины.

– Попробуйте для начала угодить желанию следователя, – посоветовала Крылова и прервала разговор.

Для двух майоров, Панина и Малютина, утро началось с продолжения не оконченной с вечера работы. Как оказалось, камер по пути следования погибшего Апраксина было установлено довольно много. Часть из них были муниципальные, некоторые принадлежали управляющим компаниям, еще несколько находились в ведении департамента транспортной безопасности. Чтобы получить все записи требовалось изрядное количество времени и терпения. Несколько облегчала положение помощь сразу двух, привлеченных к работе, участковых. Несмотря на явное недовольство свалившимися на их головы хлопотами, участковые прекрасно знали и месторасположение офисов управляющих компаний, и телефоны руководителей. Ближе к полудню, распрощавшись со своими помощниками, оперативники направились к входу в кофейню, расположенную на первом этаже вытянувшейся вдоль Профсоюзной улицы многоэтажки и имевшую несколько странное по мнению Малютина, а, на взгляд Панина, весьма подозрительное название «ЭфиОпий».

Войдя в помещение первым, Малютин одобрительно кив-

нул. Такие интерьеры, современные, наполненные контрастным сочетанием цветов, ему нравились. Три из четырех стен зала были белого цвета, на каждой из них ярко выделялись черные кустистые силуэты. Должно быть, кофейное дерево, догадался майор. Четвертая стена, в противоположность остальным была полностью выкрашена в черный. Ее украшала огромная, выполненная на стекле картина, скорее всего, фотопанно, на котором все то же кофейное дерево представало во всей красе, с яркими, сочно-зелеными листьями и гроздьями розово-красных, местами бардовых ягод. В такой же стилистике была выдержана и вся заполнявшая зал мебель. Черные деревянные столы, такого же цвета стулья и скамьи с сиденьями, накрытыми цветастыми циновками.

– Вишня, что ли? – присмотрелся к изображению на стене вошедший следом Панин. – Небось, сакура какая-нибудь. Пойдем, второй зал глянем, чего там интересного разукрасили.

– Добрый день! Хотите у нас отдохнуть? – устремилась навстречу посетителям официантка с внушительной копной огненно-рыжих волос, яростно выпирающих из-под тугого обруча на голове.

– Два кофе и управляющего, – буркнул Панин и, увидев в глазах девушки недоумение, помахал перед ее лицом раскрытым удостоверением, – желательно и то, и то побыстрее, чтоб не остыло.

– Чтоб не остыл, – поправила его официантка, пряча блок-

нот в накладной карман передника. – Он не остыл.

– Кто он? – майор непонимающе нахмурился. – Управляющий?

– Кофе, – глядя ему в глаза, отозвалась рыжая. – Кофе – он, мужского рода. Сейчас, конечно, сделали послабление, можно употреблять и в среднем роде, но в приличном обществе это моветон.

– О, как, – усмехнулся оперативник, – я думал, моветон – это когда гостей мордой в свой интеллект тычут.

– У кого что есть, – улыбка на лице официантки сделалась еще доброжелательнее, – у кого интеллект, у кого удостоверение. А управляющую я вам сейчас позову, кстати, она у нас женского рода.

Одарив напоследок улыбкой еще и Малютина, рыжеволосая красавица упорхнула из зала, оставив после себя лишь легкий перезвон покачивающихся на выходе бамбуковых занавесок.

– Ты это видел? – Панин недовольно обернулся к напарнику. – Закрывать бы эту пигалицу в отделе на пару суток, может, язык у нее бы и укоротился малость.

– Ага, и самому с ней закрыться, – беззаботно отозвался Денис, – тогда можно и на все пятнадцать.

Проворчав в ответ что-то невразумительное, Панин перешел во второй зал. Малютин последовал за ним.

В отличие от оформленного в довольно минималистичной манере первого зала, второй был в какой-то степени пе-

регружен предметами интерьера. Стены, выкрашенные наполовину в кофейный, наполовину в кремовый цвет, были почти не видны из-за многочисленных полок и шкафов, до отказа заполненных самыми разнообразными атрибутами заядлого курильщика. Большую часть выставочной площади занимали кальяны самых разнообразных форм, цветов и размеров, включая стоящий на каменном постаменте гигантский экземпляр, высотой порядка двух метров. Одну из стен почти полностью занимала коллекция курительных трубок, некоторых из которых имели весьма замысловатую форму или же отличались необыкновенно длинным чубуком. Оставшееся пространство было отдано более скромной по числу представленных экземпляров, но не менее интересной по содержанию коллекции зажигалок.

– Ну ты глянь, один в один мой «Макаров», – Панин остановился возле одного из экспонатов своеобразной выставки. – Надо бы проверить, это точно зажигалка, а то, может, на ней пара висяков числятся.

– Все экспонаты в рабочем состоянии, – послышался у него за спиной уже знакомый голос, – если желаете, могу дать вам прикурить от этого. Вы ведь курите?

Оперативники обернулись. Перед ними стояла все та же рыжая девица, с которой они разговаривали несколько минут назад в соседнем зале. Только теперь передника на ней не было, белый обруч с головы тоже куда-то исчез, подарив огненной копне волос долгожданную свободу. Панин нахму-

рился, в противоположность ему Малютин расплылся в добродушной улыбке.

– Что-то не так? – энергично хлопая чрезвычайно длинными и густыми ресницами, поинтересовалась девушка. – Кажется, все ваши желания исполнены.

– Помнится, речь шла о кофе и управляющей, – буркнул в ответ Панин. – Не наблюдаю пока ни первого, ни второго.

– У вас необычайно развита ненаблюдательность, – нагло заявила рыжая. Если вы чуть сильнее вдохнете, то почувствуете запах кофе. Я подала в соседний зал, там за столом общаться удобнее, чем здесь на пуфиках. Что касается управляющей этого заведения, то, как уже догадался ваш более сообразительный напарник, она перед вами. Каменева Марина Александровна.

Еще пытавшийся до этого сдерживаться Малютин не выдержал и захохотал. Панин хмуро взглянул на напарника.

– О, це дюже смешно! – отчего-то майор перешел на некое подобие украинской мовы. – Могу по спине шарахнуть, чтоб из тебя хохотунчик выпрыгнул. Пошли! – рявкнул Михаил Григорьевич, видя, что его коллега развеселился еще больше. – Попьем кофе, пока не остыло!

– Не остыл, – поправил его, вытирая выступившие на глазах слезы, Малютин. – Кофе – это он. Мужского рода.

– Мы его все равно выпьем, – отозвался уже немного успокоившийся Панин, – вне зависимости от половой принадлежности.

Несколько секунд спустя все трое уже сидели за одним из столов в первом зале.

– Что, Марина Александровна, с выручкой совсем туго? – Панин решил нанести ответный удар рыжеволосой нахалке. – Одной за всех управляться приходится? Сперва, поди, полы моешь, потом грязными руками кофе варишь?

– Вынуждена вас разочаровать, – управляющая подарила оперативнику очередную улыбку, – у нас все не так плохо. Есть деньги на мыло. Так что, помыв полы, я мою руки с мылом и только потом варю кофе. Но это дома. А здесь кофе варит один специально обученный человек, а полы моет другой.

– А чего ж тогда в фартуке бегаешь? – недоверчиво уточнил майор. – Или у вас еще одного человека обучить, чтоб чашки разносила, сил не хватило?

– Еще один человек у нас неожиданно приболел. Вы ведь про официантку сейчас говорите? А подменить с утра никто не смог, только к обеду подойти обещали.

– Да уж, не везет вам последнее время с персоналом, – подув на чашку, Панин сделал глоток и зажмурился от удовольствия.

– Вы сейчас о Косте? – улыбка исчезла с лица рыжеволосой красавицы. – Вы из-за него пришли, да?

– Ну вот мы и переходим к деловой части нашего разговора, – Михаил Григорьевич удовлетворенно кивнул и бросил короткий взгляд на Малютина. Тот кивнул в ответ, да-

вая понять, что не возражает, если Панин будет вести беседу единолично. – Итак, что вы можете нам сказать о Константине Апраксине?

– Нет! – Крылова уже не пыталась сдерживать раздражение. – То, что вы предлагаете, это нереально.

Из динамика послышалась короткая фраза, после чего разговор прервался. Вика взглянула на еще светящийся экран смартфона и показала ему язык.

– Ну и все тогда, – передразнила она уже отключившегося собеседника.

– Не помешаем вашему уединению? – на пороге кабинета бесшумно появился Распашной. За его спиной маячили фигуры обоих майоров. – Вы здесь, как принцесса в замке дракона. Томитесь в одиночестве и полумраке.

Подняв голову вверх, Вика взглянула на все еще выключенные, несмотря на потемневшее за окном небо, светильники, и нажала одну из кнопок на пульте управления, расположенном на стоящей слева от нее тумбе. В это же мгновение вмонтированные в потолок плафоны вспыхнули, заливая весь кабинет потоком ровного белого света.

– А что, теперь и так можно? – изумился Панин.

– Ну, умные дома я видел, – иронично откликнулся Гена, – у самого такой, а теперь, значит, еще и умные кабинеты. Если к ним еще и умные следователи прилагаться будут, ой! – оперативник умоляюще сложил перед собой руки. – В

данном случае, Виктория Сергеевна, никакого «если». В вашем блестящем уме никто из присутствующих усомниться не смеет.

– Не уверена, что лично вам в этом вопросе могу ответить взаимностью, – иронично отозвалась Крылова. – Проходите, рассказывайте, что у вас интересного.

Оперативники расселись вокруг стола, затем быстро переглянулись между собой, очевидно решая, то будет говорить первым.

– Ну что сказать, – наконец начал Малютин, – особыми достижениями пока похвастаться не можем, хотя, кое-какие интересные моменты имеются. Записи с камер по пути следования Апраксина мы изъяли. Надо сказать, что записей довольно много. Это, конечно, с одной стороны хорошо, с другой, у меня возникает вопрос, кто и когда будет все их отсматривать?

– Там же достаточно короткие промежутки времени, – возразила Вика, – время, когда он ушел с работы известно, значит, на каждой камере надо отсмотреть от силы минут пять, не больше. Если за Апраксиным кто-то и следил, то он шел с небольшим отрывом.

– Так-то оно так, – вздохнул оперативник, – но не совсем. Мы с Григоричем подумали: если Апраксина отслеживали, то могли это делать не в самую ночь убийства, а накануне. А потом подловили его в удобном месте. Так что мы сняли все записи еще и за два предшествующих дня, он ведь как раз

третий день был на смене.

– Сняли бы и больше, – буркнул Панин, – только такой давности нет уж ни у кого.

– Так что объем получается приличный, – подхватил Панин. – Кроме того, мы изъяли записи из самой кофейни. Там камеры хорошо стоят, и на залы направлены и на входе так расположены, что лица хорошо видно. Если его вели прямо оттуда, то есть вероятность, что преступник на них засветился. Опять же записи сняли за три дня накануне убийства.

– В общем, есть что смотреть, – добавил Михаил Григорьевич. – Мы копию отдали в техотдел. Они по программе распознавания прогонят, если какие-то лица в записях будут повторяться, нам скажут, но все равно лучше глазками. На уличных камерах лиц, скорее всего, не видно.

Крылова на мгновение задумалась, а затем все же решилась.

– Вы можете сделать мне копии?

– Почему нет? – удивленно отозвался Малютин. – Неужто сами все смотреть будете? Там на сколько часов работы...

– Жесткий диск найдете, или дать вам? – перебила его Виктория.

– Давайте, – тут же кивнул оперативник, – сами знаете, у нас в хозяйстве лишнего не водится. Завтра утром тогда вам завезу или созвонимся, пересечемся где-нибудь.

– Если пересечься надо, то лучше со мной, – оживился Гена. – Я даже домой могу к вам подъехать. Ну, чтобы вам по

городу не мотаться, добавил он, изобразив на лице ангельскую улыбку.

– Хорошо, так и сделаем, – к явному удивлению присутствующих, согласилась Крылова. – Моему мужу отдадите.

– А кто у нас муж? Кузнец или волшебник? – любопытствовал Распашной.* (*ссылка – очевидно, несмотря на молодой возраст, оперативник смотрел некоторые советские фильмы. В частности, «Формулу любви» и «Обыкновенное чудо», подарившие нам замечательные фразы «Зачем нам кузнец, нам кузнец не нужен» и «А кто у нас муж? Волшебник.»)

– Вот приедете, на месте всё сами и увидите, – Вика быстро написала на листе бумаги несколько строчек. – Держите адрес.

– Угу, – с торжествующей ухмылкой Гена сложил листок несколько раз и спрятал в карман. – Приедем. Посмотрим.

– Да, по поводу этого вашего студента, Бородин, – Крылова нервно постукала по столу указательным пальцем, – я разговаривала с Карнауховым...

– И что, ваш генерал, по примеру нашего, тихо пасанул? – Распашной усмехнулся.

– Илья Валерьевич пообещал обсудить этот вопрос с председателем. При случае... – Вика тихо вздохнула, давая понять, что вынуждена согласиться с оперативником. – Но случай, я так понимаю, может представиться не скоро. Бородин-старший на хорошем счету.

– Посмотреть бы мне на того, кто там считает, – недовольно проворчал Панин.

– А ты, Григорич, телевизор иногда включай, особенно новости, – хлопнул его по плечу Гена, – там, кого надо, всех показывают.

– Хорошо, сделаем так, – Вика вновь постучала по столу, на этот раз требовательно, привлекая к себе внимание, – Геннадий, вы еще раз съездите в институт. Сходите в учебную часть, постарайтесь договориться, чтобы они, как только Бородин появится на занятиях, связались с вами.

– Без шансов, – Распашной небрежно махнул рукой. – Они же знают, кто у него папа. Скорее, как только я выйду из кабинета, они бросятся ему названивать. Предупредить, так сказать, о крадущихся темных силах.

– Ну не знаю, – Вика откинулась на спинку кресла, – поговорите с девочками из группы. Пообещайте покатать их на катере по Москве-реке. С шампанским. Вы же у нас оболъститель. Так пользуйтесь своими ресурсами. Или что, Бородину вы конкуренцию составить не сможете?

– Вопрос поставлен ребром, – одобрительно фыркнул Панин.

– Ага... колом. Того и гляди штаны порвешь, – покосился на него Гена. – Ладно, Виктория Сергеевна, вопрос с Бородиным я закрою.

– Вот и замечательно, – Вика удовлетворенно кивнула. – Еще чем-то похвастаться можете?

– Похвастаться – это не наш профиль, ну разве что... – Малютин с добродушной улыбкой взглянул на сидящего напротив Гену, тот моментально отреагировал, показав майору кулак, – но у нас есть еще один студент, к которому стоит приглядеться получше.

– Вы что, тоже в институт к Апраксину съездить успели? – удивилась Крылова.

– Нет, эту полянку Геннадий окучивает, мы туда не лезем. Но ведь если один студент по вечерам где-то подрабатывает, логично предположить, что в том же месте могут быть и другие.

– Особенно, если тебе список всего персонала приносят, – фыркнул Панин. – Давай уж, сильно не умничай, как есть рассказывай.

– Окей! Рассказываю, не умничая. Апраксин работал по вечерам в кофейне. С шести до полуночи, три через три. Сменщик у него тоже студент, Барковец Михаил Юрьевич. С Апраксиным они ровесники, а учится Барковец в академии управления, на третьем ...

– И что, – Вика нетерпеливо перебила оперативника, – у него с Апраксиным был конфликт?

– ...на третьем курсе, – завершил все же фразу Малютин. – Вы так торопитесь, Виктория Сергеевна, будто еще никого не убили. А уже ведь убили, так что торопиться некуда. Так вот, конфликт с Апраксиным у Барковца был. Причем был из-за девушки, а именно из-за официантки, которая

работает в той же кофейне и учится в педагогическом.

– Сплошные студенты, – еле слышно пробормотал Панин.

– Сперва о конфликте нам рассказала управляющая этого заведения, – продолжил Малютин, – тоже весьма милая особа, правда, с Григоричем взаимность у них не сложилась.

– А это потому, как гонору кое у кого слишком много, – недовольно отозвался Панин.

– Я думаю, у нее в данном вопросе точно такое же мнение, – ухмыльнулся Денис. – Так вот конфликт имел место быть пару месяцев назад. На смене в тот вечер был Апраксин, а сменщик его заявился ближе к закрытию, как говорят, уже в тонусе, и начал выяснять отношения. Кончилось тем, что они сцепились прямо на барной стойке. В итоге разбили несколько чашек и Барковцу физиономию.

– Что-то для неконфликтного и уравновешенного наш покойный часто рукоприкладством занимался, вам не кажется? – Вика обвела взглядом присутствующих. Мужчины как один, дружно пожали в ответ плечами.

– По мне, так нормальное дело, в двадцать лет-то, – высказал свое мнение Малютин, – за все время один конфликт на работе, один в институте. Насколько мы знаем, оба раза парня спровоцировали. Что ему, надо было голову в песок прятать? Так ведь Москва, кругом бетон, прятать некуда.

– Ясно, мужская логика, – Вика задумчиво крутила в руках авторучку, не замечая, что пальцы ее, словно царапинами, постепенно покрываются маленькими синими штрихами.

ми. – А что говорит этот бариста, Барковец?

– Да что он может говорить, – Денис улыбнулся, давая понять, что допрошенный чудес фантазии не проявил. – Говорит, был пьян. Виски-кола, сами понимаете, пузырьки в мозг ударили, решил над «i» точки расставить. Ну вот, так нарастался, что потом три дня дома отсиживался, ждал, пока синяки малость светлее станут. Апраксин все это время за него трудился без выходных. Так что со слов этого кофейных дел мастера он к убиенному ничего, кроме искренней благодарности и уважения, не испытывал. Конечно, может, парень малость и привирает, но факт есть факт, его ведь сперва за драку уволить хотели, но Апраксин вступился, да еще и три вечера дополнительно отработал. Так что у заведения проблем не было.

– Ну а причина всех этих боев без правил, она что рассказывает?

– Ничего нам полезного не рассказывает, – Мальков пренебрежительно поморщился, – девочка на тот момент только устроилась в заведение. Оба мальчика ей понравились. У официанток график почему-то не три через три был, а два через два, так что она то с одним, то с другим в смену попадала. Вот обоим глазки и строила. Ну а потом, по законам жанра, почти сразу после той драки она познакомилась с одним из посетителей, как она сказала, очень приличный взрослый человек, так что ни одному из драчунов приз не достался.

– Приличный и взрослый, – хмыкнул Гена. – Что ж она работу в кофейне не бросила, раз он такой приличный?

– А мы специально для тебя этот вопрос задали, – отозвался Михаил Григорьевич, – я даже записал, что девочка нам ответил. Вот, слушай! «Не хочется полностью терять материальную независимость. Я же не содержанка какая-то». Понял?

– Ну да, терять, так не полностью. Уяснил, – кивнул Распашной. – Так и что, может, нам Барковца этого подтянуть за жабры? Глядишь, как у него кислородное голодание начнется, он чего интересного и расскажет.

– Подождите! – резко вмешалась Крылова. – Не надо никого никуда подтягивать. Я хочу всем напомнить результаты медицинской экспертизы. Нанесенный Апраксину удар в горло полностью идентичен тому, что был три месяца назад. Это говорит специалист, который вскрывал оба тела. И есть еще шесть, с которыми работали другие эксперты, но тоже очень похожие. Причем первая жертва, которой таким способом воткнули нож в горло, появилась еще два года назад. Вы понимаете?

– Понимаем, – невозмутимо кивнул Гена, – Барковец два года готовился к убийству Апраксина. Тренировался на бомжах, оттачивал мастерство.

– Балабол. Два года назад они еще знать друг друга не знали, – буркнул Панин.

– И что же? – Распашной снисходительно взглянул на май-

ора. – Он готовился к убийству любого потенциального противника за сердце девушки своей мечты. Идея фикс. Я, когда учился, нам рассказывали, что такое бывает.

– Геннадий! – раздраженно перебила оперативника Вика. – Может быть, тогда именно вы и займетесь отработкой своей версии? Проверите алиби этого молодого человека. У нас по одному из предыдущих случаев установлено достаточно точное время смерти. Так что у вас есть возможность проявить себя.

– Так я ведь уже, – не проявил энтузиазма Гена, – проявляю. В институте. Там еще тоже работать и работать. А кого туда вместо меня пускать? Григорича, что ли? У него на лице с молодежью несовместимость нарисована, особенно с интеллектуально одаренной. Он им завидует.

– Чему там завидовать? – вздохнул Панин. – Дыркам на коленях или тому, что в башке ветер?

– Молодости, Григорич, – ухмыльнулся в ответ Гена, – нашей молодости! Ну и одаренности, конечно. А дырки на коленях, чтоб ты знал, уже всё, не в моде.

– Зато ветер никуда не делся, – парировал Панин и перевел взгляд на Крылову. – Ладно, Виктория Сергеевна, Барковец вроде как наша тема. Мы его, значит, и отработаем. Пока на момент убийства Апраксина алиби у него нет. Говорит, был дома. Один. Якобы весь вечер сериал какой-то смотрел.

– «Очень странные дела», – вздохнул Малютин.

– Да уж, страннее некуда, – согласилась Вика, – чтобы в его возрасте вот так одному дома сидеть...

– Сериал так называется, «Очень странные дела», – уточнил Малютин. – Вроде как фантастический, но я сам не видел.

– Ясно, – заметив наконец уже почти полностью разри-сованные пальцы рук, Вика положила ручку на стол, – постарайтесь проверить его показания. Наверняка на подъезде есть камера наблюдения, соседи могли что-то видеть. И попробуйте установить его местонахождение на момент друго-го преступления. Дата у вас есть. Там, конечно, времени уже много прошло, но что поделать. Ну а вам, Геннадий, напо-минаю про ваше обещание.

– Записи привезти? – расплылся в улыбке Распашной. – Привезу, можете не сомневаться.

– Вообще-то вы обещали привезти мне Бородина, – на-помнила ему Вика, – но, если сил ваших хватает лишь на то, чтобы быть курьером, привезите хотя бы записи.

Выйдя из кабинета, оперативники дружно зашагали в направлении лифта. Неожиданно Панин, шедший первым, остановился и ухватил Гену за руку.

– Я не пойму, малой, – голос Панина звучал необыкновен-но холодно, – ты что, к Крыловой шары подкатываешь?

– Мы сейчас моделируем сцену драки в кофейне? – Рас-пашной безуспешно попытался освободиться от захвата. – Я в роли Апраксина? Смотри, Григорич, потом тоже будешь

три дня дома сидеть. Синяки зализывать.

– Ты, дурак малолетний, про ее мужа вообще ничего не слышал? – Панин еще сильнее стиснул пальцы на запястье молодого оперативника. – Про Мясоедова Жору тебе никто никогда не рассказывал?

– погоди, а они разве... – Распашной удивленно уставился на наседающего на него майора. – Она же Крылова! И кольца на руке нет.

– Крылова. И что с того, что Крылова? Ты что, никогда не слышал, что не все фамилию меняют? Да сейчас почти половина так живет. мода такая, вместо дырок на коленках.

– А кольцо не носить тоже мода? Ох, мать моя! – Гена изо всех сил дернулся, пытаясь освободить руку, и больно ударился локтем о стену, так что на глазах моментально выступили слезы.

– Не бережешь ты себя, – отпустив наконец захваченное в плен запястье, Панин похлопал несчастного по плечу. – С кольцами там своя грустная история. Если коротко, то расписались они прямо в больнице. На тот момент врачи еще окончательный диагноз не вынесли. Вроде, даже операцию какую-то планировали. Вот Жора и уперся, что кольца они потом вместе пойдут и купят. Только, видать, так до сих пор и не дошли.

Вздыхнув, Панин двинулся дальше к лифту, потеряв всякий интерес к собеседнику, но не пройдя и десяти шагов, вновь остановился. обернувшись, он сурово сдвинул брови

и погрозил Гене пальцем.

– Домой к ним и не вздумай соваться. Узнаю – крепко поспоримся. Очень крепко. Если уж так нейдет, записи можешь ей вечером сюда завезти. Хотя, лучше я их сам передам. В конце концов, это ж наш с Денисом улов. Ты тут каким боком?

– Правильно, – согласился Малютин, – пусть лучше со своими мажорами разбирается. А то дожили, оперативник главного управления студента допросить не может.

– А вот сейчас, парни, – моментально оживился Гена, – все замерли и послушали сюда. Лучшему оперативнику главного управления чертовски нужна ваша помощь.

Глава 6

Вечер вторника

Черный мерседес легко набрал скорость и вскоре скрылся за поворотом. Спустя несколько мгновений, не включая указатель поворота, еще более черный матовый кроссовер БМВ выехал с обочины и тоже устремился в сторону города.

– Если только кто-то узнает, что мы ведем спецсубъекта, – мрачно проворчал сидящий на заднем сиденье Панин, – нас всех к чертовой бабушке с работы выпнут. Хотя нет, тебя, мажорик, папа, может, и отмажет. Но все равно на какой-нибудь склад амуниции переведут, будешь там до старости шнурки инвентаризировать. Левые в одну кучку, правые в другую.

– Не причитай, самому страшно, – отвлекшись от управления автомобилем, Гена на мгновение обернулся. – Мы же не старшего Бородина выпасаем, а младшего. А младшенький у нас кто? Правильно, обычный студент-прогульщик.

– Я и смотрю, машина у него студенческая, – буркнул Малютин, явно разделяющий мрачное настроение Михаила Григорьевича. – Машина еще ладно, сейчас студенты и на Феррари рассекают, а вот номера у этой машинки явно не студенческие. Если выкупят, что мы за этим лимузином увязались, все наши объяснялки лесом пойдут, причем дремучим.

– Не выкупят, до них метров пятьсот будет, – уже более уверенно отозвался Распашной. – Вперед глянь. Ты их видишь? Нет! Ну, значит, и они нас не видят.

– На трассе ладно, если они в Москву едут, дорога одна, – вновь заворчал Панин. – ты скажи, как мы их в городе будем отслеживать? И потом, с чего ты вообще решил, что младшенький вместе с папой в город потащился? Он что, любитель семейных прогулок по вечернему городу?

– Скажи еще, они вдвоем с папашей по городу ходят, бомжей выслеживают, а потом режут, – Малютин широко улыбнулся, довольный пришедшей ему в голову версией. – А что, представляете заголовок: «Бесстрашные оперативники задержали маньяка вице-премьера»! Круто? Сразу по звездочке на погон прилетит, а то может еще и на грудь перепадет.

– Будет вам по звездочке, – Михаил Григорьевич явно был не склонен к излишнему оптимизму, – на могилке. Так все же, мы как их в городе отслеживать будем? Вплотную подожмемся?

– Ох, Григорич, тебе ведь уже к пенсии пора готовиться, а ты все к кому-то поджаться хочешь. Давай сегодня без твоих сексуальных фантазий, – Гена взял в руку смартфон и коснулся экрана большим пальцем. – Идем в ногу с техническим прогрессом, и никто ни к кому не поджимается.

На вспыхнувшем ярким светом экране тут же отразилась карта, на которой можно отчетливо разглядеть вытянутую-

ся по диагонали полосу Рублево-Успенского шоссе и красную точку, постепенно приближающуюся к пересечению с кольцевой автодорогой.

– Ты что, делал запрос оператору? – удивился Малютин. – Или это Крылова постаралась?

– Ага, постарается она, как же, – усмехнулся Гена, – правильных одноклассников иметь надо, тогда без всяких операторов обойтись можно.

– То есть твой одноклассник проник в дом к Бородину и навесил на парня маячок, я правильно понимаю? – высказал новое предположение Денис.

– Неправильно ты понимаешь, – еще раз взглянув на экран, Гена протянул телефон Малютину, – держи, будешь у нас за штурмана. Программку мы ему закачали. Вернее, я попросил, а товарищ мой закачал. Теперь все что от нас требуется, это смотреть на экран и следовать по маршруту. Ты смотришь, я следую.

– Ну вот, а говорят, нельзя в айфон левые программы качать, – Денис хлопнул себя по колену, – да еще удаленно.

– В этом вся и фишка, что она не левая, – объяснил Гена, – стандартная программа для поиска. Нестандартно в данном случае только то, что мы к ней имеем доступ. Я в тонкостях не очень разбираюсь, суть в том, что Бородину на почту пришло сообщение с самораспаковывающейся ссылкой на скачивание. По сути, телефону дали команду скачать нужную нам программу, а когда Бородин в очередной раз приложил

палец к сканеру, он эту команду подтвердил, а заодно отправил ответное сообщение, в котором нам пришел код доступа. Зная код, можно отслеживать его расположение с любого мобильного.

– А нас потом по этому сообщению не вычислят? – поинтересовался, пристально вглядываясь в экран, Малютин. – Кольцу подходят. Прямо прошли, в город.

– Не вычислят. Оно же не на мой номер пришло, а на какой-то, неизвестно какой, которого уже и нет вовсе. Так что до нас им не дотянуться.

– Ну да, – слышалось с заднего сиденья, – они тоже уверены, что до них не дотянуться. Посмотрим, сколько народу здесь ошибается.

Черный БМВ стремительно промчался под круглосуточно гудящим многополосьем кольцевой и въехал в город. За окнами сверкнули и вскоре погасли огни гигантского торгового центра, промелькнул кусок чудом уцелевшей и все еще не застроенной лесополосы, затем один за другим потянулись многоэтажки Крылатского.

– На Кутузовский вышли, – прокомментировал Малютин, – куда-то в центр поперли.

– Неужто в Белый дом, – Панин просунул голову между спинками передних сидений, – туда я точно с вами не поеду.

Опасения Михаила Григорьевича оказались напрасны. Черный мерседес, вяло поблескивая синим проблесковым маячком, преодолел мост через Москву-реку, пересек Садо-

вое кольцо и в конце концов свернул на подземную парковку ЦУМа.

– У них, что, ближе к дому магазинов нет, что они на ночь глядя сюда поперлись? – озадаченно пробормотал Малютин, провожая взглядом поднимающуюся по яркоосвещенным ступеням чету Бородиных, вслед за которыми, ссутулившись и сунув руки в карманы, плелся их великовозрастный отпрыск.

– Нам же лучше, – забрав у Дениса смартфон, Распашной спрятал его в карман. – Представляешь, если бы мы его с Рублевки везли, сколько времени бы заняло? Мало ли что, могли бы и перехватить. А так, по пустому городу, десять минут, и мы у Крыловой.

– Можно подумать, она сидит и нас ждет, – язвительно фыркнул Панин.

– А мы позвоним, – не оборачиваясь, отозвался Гена, – и будет сидеть. Хотя, вряд ли она раньше нас успеет. Ей минут сорок точно добираться придется.

Вновь достав только что убранный телефон, Распашной несколько раз пальцем коснулся экрана и, едва дождавшись ответа, радостно затараторил:

– Виктория Сергеевна! А у нас для вас есть подарочек! Ну не то чтобы совсем есть, но вот-вот будем упаковывать...

Войдя в квартиру, Вика поставила тяжелый пакеты на пол и прислушалась. Из гостиной до нее не долетало ни звука, за-

то из кухни отчетливо доносился голос Мясоедова. Довольный голос.

– Э-эх, до-ро-ги, пыль да ту-у-ман, – с явным наслаждением басил Жора, – холода, тревоги, да степной бу-у-рьян... Привет молодым и красивым!

Выкатившись в дверной проем, Мясоедов окинул взглядом стройную фигуру жены, затем уставился на лежащие на полу пакеты.

– Наше продуктивное разнообразие стремительно увеличивается, – одобрительно кивнул он, – это не может не радовать. Я тут тоже малость постарался.

Быстро скинув туфли, Вика подошла к мужу и поцеловала его в губы. Поцелуй длился не очень долго, но, во всяком случае, дольше обычного. Обычным за последние несколько месяцев стало короткое чмокание. Иногда в губы, чаще куда-то мимо. Порой просто в воздух.

– А я тут похозяйничал малость, – пробормотал Жора, проводя рукой по ее волосам. – Посмотри, хватит или еще надо.

– Господи, Жорик, – рассмеялась Крылова, увидев стоящую на плите огромную кастрюлю, доверху наполненную залитыми водой очищенными картофелинами, – нам здесь с тобой дня на три точно хватит. Ты ее, небось, полдня чистил?

– Вот еще, – пробурчал с плохо скрываемым удовольствием Мясоедов. – Днем у меня дела поважнее есть. Вот вече-

ром вернулся, кофе попил и взялся за дело. Руки-то у меня, слава богу, нормально работают.

Несколько минут спустя в сковородке весело потрескивало кипящее подсолнечное масло, готовое принять в свои жаркие объятия бело-желтые картофельные ломтики, а здоровенный кухонный нож стремительно и ритмично постукивал по поверхности разделочной доски.

– Ну что, – Вика высыпала нарезанные овощи в салатницу, – может, по такому случаю немного вина?

– По такому, это по какому? – уточнил Жора. – Я чего-то не знаю?

– Мне кажется, это я чего-то не знаю, – Крылова высыпала почти треть содержимого кастрюли в скворчащую сковородку. – Вот честно тебе скажу, уже давно тебя таким довольным не видела. Что-то произошло?

– Можно и так сказать, – загадочно улыбнулся Мясоедов. – Вернее, пока ничего не произошло, но мой опыт оперативной работы подсказывает, что ждать осталось недолго. Думаю...

– Точно, – спохватилась Вика, – твой опыт оперативной работы! Я как раз хотела его использовать.

– Это каким образом? – фраза Крыловой настолько удивила Жору, что он даже не обиделся на то, что она не позволила ему закончить свою мысль.

– Понимаешь, у нас есть видеозаписи. Довольно много. А отсматривать их некому. Опера, что со мной работают, и так

делами завалены, а дополнительных людей нам не выделяют.

– Тоже мне, главное управление, – фыркнул Жора, – вы такие вопросы по щелчку должны решать. Делов-то, молодец понагнать и усадить за мониторы.

– Ты же знаешь, это не мне пальцами щелкать надо. А руководство наше это дело в приоритет не ставит. Карнаухов вообще не в восторге был от того, что я этих, как он говорит, «бомжей» с собой притащила. Да и у вас в главке такая же ситуация.

– А с кем из оперов ты работаешь?

– По этому делу трое. Малютин, ты его знаешь. Потом Панин, он раньше в городском управлении был, в начале года в главное перевели.

– Его тоже знаю, – кивнул Мясоедов. – Нормальный мужик. А третий?

– Да, – Вика небрежно махнула рукой, – с ним ты точно незнаком. Распашной. Он в главное управление недавно пришел. Сын какого-то генерала из МВД. Гонору много, а со всем остальным пока не ясно. Так что, возьмешься записи отсмотреть? Понимаешь, убили парня по дороге домой. Но есть вероятность, что убийство было несчастным, в таком случае за парнем скорее всего следили. Есть записи с его маршрута за последние три дня и из кофейни, он в кофейне работал, там тоже три смены отснято.

– Целиком? – испуганно выпучил глаза Мясоедов. – Это же сколько времени нужно!

– Зачем тебе целиком смотреть? Если его вели от кофейни до дома, то, скорее всего, приходили незадолго до закрытия. Так что можно ограничиться последним часом, наверняка этого будет достаточно. У меня есть фотографии двух человек, у которых были конфликты с убитым. Один – его однокурсник, а второй бариста из той же кофейни.

– Ну, сменщика в зале я вряд ли увижу, – усмехнулся Жора, – если только он не клинический идиот.

– Да, но от кофейни до дома он мог парня отслеживать. Ему же надо было заранее выбрать подходящее место.

– Весь вопрос – насколько заранее. Может так быть, что за три дня записей окажется недостаточно.

– Других все равно нет, – вздохнув, Вика перемешала уже начавшую подрумяниваться картошку. – Слушай, я же тебя перебила. Что у тебя должно произойти такое загадочное?

– Кое-что должно, – Жора явно был необычайно доволен тем, что в его жизни наконец появились какие-то, известные только ему одному новости. – Давай уж, раз так пошло, картошку дожарим, вино откроем, и под все это дело я тебе расскажу кое-что интересное.

Четверть часа спустя праздничный вечер, а любой вечер, когда Жора хоть изредка улыбался, считался Крыловой праздничным, был в самом разгаре. Вика расставляла на столе посуду, а Мясоедов, ловко орудуя штопором, уже откупорил бутылку и теперь разливал вино по бокалам.

– Ну что же, – Жора дождался, когда жена наконец займет

место за столом, – можно сказать, что я вышел на новый уровень в качестве борца с преступностью. Если раньше я раскрывал преступления, обладая, так сказать, всеми рычагами власти, то сейчас, – он небрежно похлопал по подлокотнику коляски, – рычаги у меня попроще, но тем ни менее...

Лежащий на подоконнике смартфон отчаянно запиликал, не дав Мясоедову закончить фразу. Вика взглянула на экран и, извиняясь, пробормотала:

– Секундочку.

Жора недовольно вздохнул. Несколько секунд он разглядывал Вику, напряженно прижимающую телефон к уху, затем сделал глоток вина и закрыл глаза. Он понял. Понял, что сегодня его ожидает одинокий вечер в компании с телевизором.

Убрав телефон в карман, Гена обернулся к молча сидящим оперативникам.

– Ну что, в нашей жизни есть место подвигу?

– Узнаем, – буркнул, открывая дверь, Панин, – если нас после сегодняшнего не уволят.

Войдя в торговый центр, оперативники разделились. После нескольких минут методичного прочесывания этажей, семейство Бородиных и сопровождающий их телохранитель были обнаружены в одном из отделов, торгующих чемоданами и дорожными сумками.

– Похоже, в отпуск собираются, – сообщил Гена присо-

единившимся к нему Панину и Малютину. – Нормальный вариант. Сейчас чемодан прикупят, охранник его в машину потащит. Глядишь, можно будет и нам подсуетиться.

Однако по неизвестной оперативникам причине покупка так и не состоялась. Перебрав множество кожаных и пластиковых емкостей, Бородина величественно направилась к выходу из отдела. Мужская часть семейства заторопилась следом. Охранник, все это время скучавший на входе в отдел, теперь следовал за своими подопечными на некотором отдалении, так чтобы не мешать их свободному общению и в то же время готовый в любой момент при необходимости оказаться на расстоянии вытянутого удостоверения.

После затянувшегося на добрую четверть часа блуждания по широким галереям торгового центра с короткими остановками то у одного, то другого бутика, Бородины разделились. Отец и сын заглянули в отдел спортивной обуви, очевидно намереваясь встретить наступающий летний сезон если не во всеоружии, то, во всяком случае, во всеножии, а супруга чиновника скрылась в глубине ярко оформленного магазина, витрины которого уверяли, что в их купальниках лето будет жарким круглый год. Массивный охранник занял позицию в галерее, позволяющую контролировать входы в оба отдела. Поскольку формально охраняемым лицом был только Бородин-старший, телохранитель стоял ближе к входу в обувной отдел, что не давало возможности оперативникам перейти к более активным действиям.

– И что, мы так и будем весь вечер здесь слоняться? – не выдержал наконец Малютин.

– А ты зайди, купи себе что-нибудь, – ехидно посоветовал Панин.

– Нельзя, – Денис печально покачал головой, – во-первых, дорого, во-вторых, вниманием привлечем. Ты вообще видишь, чтобы здесь кто-то покупал? Кроме Бородиных все просто так бродят, как в музее.

– Хоть бы кто-нибудь из них в сортир пошел, – Михаил Григорьевич мечтательно вздохнул, – я бы сходил.

– Это приличные люди, они, в отличие от тебя, энурезом не страдают, – ухмыльнулся Гена и тут же толкнул Панина в бок. – Смотри!

Очевидно, спортивная обувь Бородина-старшего не очень заинтересовала, во всяком случае, оставив сына одного, он вышел из отдела и направился в сторону пестрящего всеми красками радуги магазина купальных принадлежностей. Охранник, сделал несколько шагов в одном направлении со своим подопечным и вновь остановился, небрежно прислонившись плечом к одной из колонн. От обувного отдела, в котором находился Бородин-младший, он удалился не так уж сильно, но зато стоял теперь к нему фактически спиной.

– Ну что, я гремлю дверками шкафа, вы выводите птенчика?

Не дожидаясь ответа, Гена двинулся в сторону неподвижно застывшего телохранителя.

– Как образно, – покачал головой Панин и бросился договаривать уже устремившегося в обувной отдел Малютина.

Зайдя в магазин, оперативники сразу увидели Бородин. Молодой человек только что закончил примерку и теперь натягивал на ноги свои собственные мокасины. Это было весьма кстати. Вряд ли удалось бы быстро, а главное без особого шума вывести его из магазина в неоплаченных кроссовках.

– Всем оставаться на местах, уголовный розыск, – весьма грозно, хоть и не в полный голос рявкнул Малютин.

Все три находившиеся в отделе продавщицы замерли. Бородин удивленно поднял голову, успев увидеть уже подскокившего к нему Панина. В следующее мгновение молодой человек уже не мог видеть ничего, вернее, он видел, но лишь черную, абсолютно непрозрачную внутреннюю поверхность надетого ему на голову черного мешка для обуви, специально для этой цели припасенного оперативником. Еще спустя секунду на запястьях ничего не понимающего студента защелкнулись наручники.

– Будешь орать, – я тебе в мешок газа перцового нафигачу. Целый баллон, – пообещал Панин, подхватывая Бородина под руку. – Спасибо, девушки! Российская полиция благодарит вас за содействие.

– Всегда готовы, – растерянно отозвалась одна из продавщиц, которой, судя по всему, родители что-то рассказывали о своем счастливом пионерском детстве.

– Служу России, дура, – ласково поправил ее Малютин, и

оперативники, подхватив с двух сторон свою добычу, устремились к выходу из отдела. Сотрудницы магазина даже не заметили, как Михаил Григорьевич ловким движением просунул руку под мешок и ухватил Бородина за кадык, полностью исключив всякую возможность того, что пленник поднимет тревогу.

В это самое время Распашной тоже не терял зря время. Пройдя мимо телохранителя Бородина и сделав еще пару шагов, он неожиданно крутанулся на месте, веером рассыпав заранее приготовленную мелочь. Монеты звонко ударились о выложенный керамогранитом пол, отскакивали, вновь падали и катились во все стороны, в том числе и к ногам удивленно взирающего на все это представление охранника.

– Вы куда? – вполне искренне изумился, падая на колени Гена.

Несколько мгновений он поспешно собирал разлетевшуюся мелочь, затем поднял голову и уставился на телохранителя.

– Ты чего стоишь? – возмутился Распашной. – Ты видишь, человеку помощь нужна? Или так обдолбался, что и не видишь ничего?

Охранник, высокий, плечистый мужчина, успевший к своему сорокалетию обзавестись десятком лишних килограммов, но не растерявший бойцовских качеств, лишь безглаголиво поморщился и отступил на полшага, увеличивая до приемлемой дистанцию со странным субъектом.

– Ты куда? – еще больше возмутился Гена. – Бежать собрался? Или тебе что, помочь в тягость? Ааа! Я понял! Ты у нас тех, кто мелочь по полу собирает, за людей не считаешь. Для тебя ж это не деньги.

Гена развел руки в стороны, пальцы его разжались, и уже собранные монеты вновь посыпались на пол. Не обращая на них никакого внимания, оперативник вскочил на ноги и, покачнувшись из стороны в сторону, буквально навалился на не успевшего сделать еще один шаг назад телохранителя.

– Неважно, сколько человек денег, – Гена громко икнул, – рассыпал. Совсем неважно! Главное помочь ему их собрать. Вообще, людям помогать надо! Ты это понимаешь? А ты стоишь тут столбом... как суслик.

Не говоря ни слова, телохранитель Бородин нанес быстрый, короткий удар правой рукой в левое подреберье повисшему на нем недоумку. Недоумок охнул и начал было оползать вниз, но был ласково придержан левой рукой.

– Еще помочь, или на сегодня хватит? – дружелюбно осведомился здоровяк.

– Вполне, – прохрипел Распашной, глядя на то, как его коллеги вместе со своей добычей скрываются за поворотом.

Отступив на шаг, Гена согнулся, упираясь руками в колени, несколько раз шумно выдохнул, затем взглянул на готового к любому развитию событий телохранителя.

– Вот прям конкретно сейчас полегчало. Спасибо тебе, мужик, – поблагодарил он, после чего бодрой трусцой дви-

нулся в сторону выхода.

– Если что, обращайся, – кивнул вслед ему охранник.

Спустившись на подземную парковку, Распашной подбежал к своей машине, возле которой уже стояли, озираясь по сторонам Панин и Малютин.

– Ты чего там с этим бугаем, телефонами обменивался? – прошипел Михаил Григорьевич. – Открывай скорее колымагу свою.

– Ага, обменялся на всякий случай, – Гена машинально потер ноющее подреберье и распахнул заднюю дверь кроссовера. – Грузите его.

Панин надавил пленнику на затылок, вынуждая согнуться, после чего мощным толчком отправил в открытый проем. Охнув, Бородин повалился на бок.

– Погоди-ка! – Гена оглянулся по сторонам, проверяя, не направлена ли на него камера наблюдения. – Денис, прикрой меня на минуту.

Достав из кармана ветровки резиновые перчатки, Распашной быстро натянул их на руки.

– Ты чего с задержанным делать собрался? – удивился Малютин, но все же сделал шаг к распахнутой двери. – Учти, сексуальное насилие – это не наш метод.

– Хорошо, в этот раз буду сдерживаться, – пообещал Гена, вытаскивая из того же кармана небольшой пакетик, наполненный белым порошком.

Аккуратно раскрыв пакетик, запечатанный на пластико-

вую застежку, Гена ухватил беспомощно лежащего на сиденье Бородин за руку и макнул его указательный палец в порошок. Ненадолго отпустив руку пленника, он вновь закрыл застежку, после чего сунул пакет пленнику в руку и заставил сжать пальцы.

– Ну вот и все, можно ехать.

Перчатки и пакет с неизвестным порошком вновь вернулись в карман ветровки. Одна за другой хлопнули двери автомобиля, и секунду спустя, взревев мощным двигателем, черный БМВ рванул к выезду из подземного машинохранилища.

Пользуясь тем, что ближе к девяти вечера центральные улицы города становятся относительно свободными, автомобиль с четырьмя задумчиво молчащими мужчинами довольно быстро преодолел расстояние в несколько кварталов от Центрального универмага до Садового кольца.

– Головной убор с него можно снять, – Гена поправил зеркало заднего вида, чтобы иметь возможность лучше видеть растерянно озирающегося Бородин. – Слушай сюда, юноша! Есть приятная новость. Тебя, золотой мой, никто не похитил. Так что утюги, выкупы и отрезание пальцев тебе не грозит. Ты рад?

– Безмерно, – буркнул молодой человек.

– Вялая радость, – констатировал Гена. – Тогда новость следующая. Не столь радостная. Едешь ты в следственный комитет, где будешь общаться, знаешь, с кем?

– Логично предположить, что со следователем, – все с той же недовольной интонацией отозвался Бородин.

– Правильно! А по какому вопросу?

– Я так понимаю, по поводу убийства Апраксина.

– Во! – Гена одобрительно щелкнул пальцам. – У парня хорошо с логикой. Это вселяет надежду на то, что мы с ним придем к взаимопониманию.

Не снижая скорости, Распашной на мгновение обернулся и подмигнул ответившему ему хмурым взглядом студенту.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – продолжил Гена. – Думаешь ты примерно так. Эти менты, вернее, даже мусора, огребут по полной. Сейчас я немного потреплю нервы следаку. Интересно, кто это, мужик или баба? Отмолчусь по максимуму, а как только они меня отпустят, позвоню отцу. Вот тогда уже в кабинеты тягать будут их самих, и там уже эти дебилы пожалеют, что со мной связались. Папа сделает, что их так нахлобучат – всю жизнь в раскорячку ходить будут. Так? – вновь обернулся оперативник. – Такой ход мыслей?

Бородин ответил молчанием.

– Такой, – ответил сам себе Распашной. – Хороший ход, мощный. Как у Титаника. Только у нас, дружище, для тебя приготовлен малюсенький такой айсберг, идущий на встречном курсе. Обрисовываю подробнее. Есть довольно солидная порция дури, – Гена продемонстрировал Бородину пакетик с порошком. – Синтетика. Привыкание с первого раза и по гроб жизни. Что ты так заерзал? Не бойся, мы тебя ею

травить не будем.

– Если вы мне это подсунете, вам все равно веры не будет, – отозвался Бородин, – в магазине видели, что вы меня без всякого обыска уволокли. Вы моего отца не знаете, он вас самих по пакетикам расфасовать может. Так что лучший вариант – прямо сейчас отвезти меня обратно, пока вас всех не приняли.

– Не приняли, – Малютин ткнул пленника кулаком в бок. – Слова-то мы какие знаем. Сериалов, что ли, посмотрелся?

– Денис, не суетись, – вновь обернулся Гена, – сейчас мы юноше разьясим всю слабость его позиции. Итак, никто тебе ничего подбрасывать не собирается. Во всяком случае, сегодня. Сейчас мы едем к следователю, кстати, следователь очень милая молодая женщина, так что в общении попрошу соблюдать этикет. Ты отвечаешь на все вопросы, которые она задаст, причем отвечаешь «А» – правдиво и «Б» – подробно. Если после твоих ответов у следователя не будет к тебе претензий, мы тебя отпускаем, и ты возвращаешься к папе. Папа будет уже, наверное, не в ЦУМе, так как ЦУМ в десять закрывается. Ну ничего, отыщешь. Папе, ну и заодно маме, скажешь, что встретил друзей, и вы совершили небольшой вояж по ночной Москве. Москва она ведь ночью прекрасна! Всякое дерьмо меньше видно. Если папа не поверит и начнет выяснять, почему ты не отвечал на телефонные звонки, ты выпучишь глаза и будешь упорствовать на своей версии,

а про телефон скажешь, что ненароком обронил. На самом деле мы его у тебя временно изымаем в интересах следствия.

– Так вы его уже отобрали, – Бородин криво усмехнулся.

– А это потому, что среди нас есть профессионалы, которые знают установленный порядок действий, – Гена в очередной раз обернулся и подмигнул, на этот раз Михаилу Григорьевичу. – Ну что, студент, схема понятна? Принимаем к исполнению?

– Допустим, – кивнул Бородин.

– Допустим, что ты сейчас сказал «допустим», – Гена погрозил в ответ пальцем, – а сам решил глупых оперов надуть, по возвращении домой пожаловаться папочке и создать нам большие проблемы. Вот тут и появится наш айсберг. Представь, тебя где-нибудь в ночном клубе, а то и просто в такси тебя шмонает отдел по борьбе с наркотиками, а то и просто дэпээсники и вдруг, в присутствии понятых находят у тебя замечательный пакетик с замечательным запрещенным веществом. Вещество, конечно же, отдают на экспертизу. Ты, твой папа и адвокат, нанятый твоим папой, хором утверждают, что это провокация и ты никакого отношения к наркотикам не имеешь. Но! Но экспертиза показывает, что на пакетике есть твои отпечатки пальцев, внутри пакетика есть твои отпечатки пальцев, а из самого вещества удалось выделить твои потожировые следы. А пакетик-то не такой уж и маленький, тянет на статью, в которой есть строчка про особо крупный размер. Ты знаешь, особо крупный размер – это

сколько?

– Понятия не имею, – угрюмо послышалось с заднего сиденья.

– Особо крупный размер – это лет десять колонии, – торжественно изрек Гена, – но ты, конечно, столько не получишь. Папа подсуетится, выхватишь шестерик, года через три выйдешь. Как тебе перспектива? Нравится, или все же рабочей версией будет внезапная прогулка по любимому городу? Что молчишь? Я ведь тебе звонил, по-человечески просил на допрос явиться. А ты что? Ты в ответ бычить начал. Так что, Юра, мы с тобой договорились?

– Договорились, – все так же угрюмо отозвался Бородин.

Преодолев формальности на пропускном пункте, БМВ въехал на парковку главного следственного управления. Все четверо вышли из автомобиля. Поднявшись на лифте на четвертый этаж, они обнаружили Крылову, нервно расхаживающую из стороны в сторону по пустому коридору.

– Вы же сказали, что уже везете его, – Вика возмущенно устремилась им навстречу. – Я летела с такой скоростью, штрафы, наверное, со всех камер собрала. Приезжаю, никого нет. Вы где пропадали?

– Да так, пришлось на небольшой шоппинг задержаться, – уклончиво отозвался Гена, – и потом, зачем вам так спешить было? Он бы все равно подождал.

Вика перевела взгляд на Бородина, и тут же недовольство на ее лице усилилось еще больше.

– А почему он у вас в наручниках? Вы что, совсем уже...

– Не обращайтесь внимания, – подхватив под руку, увлек ее по коридору Панин, – успев напоследок прошептать Малютину короткое, – расстегни! Пацан любопытный оказался, сам попросил показать ему, как что устроено. Вот, до браслетов добрались. Это что, Генка по дороге ему еще пистолет показывал, в смысле, как устроен...

– Знаете, Михаил Григорьевич, – от вас я такого не ожидала, – освободив локоть, Крылова первая вошла в кабинет.

– А я как от себя не ожидал, – вздохнул Панин. – Сегодня весь вечер такой... неожиданный.

Допрос продлился чуть больше часа и не принес Крыловой ничего, кроме усиливающегося с каждой минутой сожаления о том, что она находится не дома. На все заданные ему вопросы Бородин отвечал довольно подробно и без тени намека на желание утаить от следователя какую-то информацию. Небольшое затруднение у него вызвал лишь один вопрос, заданный Викторией в числе первых.

– Скажите, Бородин, вы сразу не могли на допрос явиться? Обязательно надо было все усложнять?

На лице молодого человека появилась не очень жизнерадостная улыбка. Прежде чем ответить, он бросил короткий взгляд на сидевшего рядом Распашного и лишь потом произнес:

– Стыдно признаться, немного зазвездил. Хорошо, ваши товарищи все объяснили, как следует. Так что сейчас пол-

ностью готов сотрудничать со следствием. Кажется, это так называется?

В ходе сотрудничества выяснилось следующее. Со слов допрашиваемого, весь вечер накануне убийства Апраксина он находился в гостях у своего приятеля Димы Комаровского. Живет Комаровский в Раменках, недалеко от Мичуринского проспекта. Кроме самого Бородина и хозяина квартиры, с ними был еще один молодой человек – Веня Суслов. Его адрес проживания неизвестен, так как в гостях у него бывать не приходилось. Но есть телефон.

– Слушайте, – заулыбался вдруг Бородин, – вы же свидетелей этих плотно пробивать будете?

– Плотнее некуда, можешь не сомневаться, – тут же отозвался, казалось, дремавший, прислонившись к стене, Милютин.

– Здорово! – к всеобщему удивлению, Бородина такой ответ более чем устроил. – Вот этого Веню можете как следует поковырять? А то он треплется, будто внук того самого Суслова. Знаете, наверное, был такой лет сорок назад. Говорят, по тем временам хорошо стоял. Я так думаю, врет.

– Главное, Бородин, чтобы вы нам сильно не привирали, – Крылова на мгновение оторвалась от протокола допроса, – а проверять мы будем ту информацию, которая имеет отношение к убийству Апраксина. Вряд ли покойный Михаил Андреевич* (**сноска – Суслов Михаил Андреевич, видный советский и партийный государственный деятель, скончался*

в 1982 году) каким-то боком был в этом замешан. Я вот смотрю, вас гибель вашего однокурсника не сильно расстроила.

– Я бы сказал, не очень сильно, – немного подумав, отозвался молодой человек. – Кто он мне? По большому счету, посторонний. Ну, виделись периодически на парах. Ну, в свое время малость поконфликтовали. И все. Мы последний год даже не здоровались. Так что повода расстраиваться мне особо не вырисовывается. Людей каждый день убивают. Об этом лучше не думать, иначе можно нервную систему раскачать.

– А вы ее, значит, бережете? – Вика неприязненно взглянула на Бородин. Тот ответил ей добродушной улыбкой.

– Конечно! Это же не я придумал. Врачи рекомендуют. А к их рекомендациям лучше всегда прислушиваться. Вы не согласны?

– Что вы делали после того, как покинули квартиру Комаровского? – вопросом на вопрос отозвалась Крылова.

– Потом я ехал, строго на север, – Бородин махнул рукой в ту сторону, где, по его мнению, находилась обозначенная сторона света, – конечно, с учетом топографии московских улиц.

– Давай попроще, – осадил его энтузиазм Гена. – Куда ехал, на чем, зачем? Кто может подтвердить?

– Ехал в Новоалександрово, – четко, почти по-военному, отрапортовал Бородин, – это за Долгопрудным, на берегу Клязьминского водохранилища. Ехал на такси. Ехал к знако-

мым, они там на яхте всю ночь гульбанили. Подтвердить могут человек десять. И еще примерно столько же девушек, не обремененных избыточной нравственностью. Я, правда, их телефоны не знаю, но, думаю, можно пробить через агентство. Вы же знаете, сейчас все организовано...

– Имена этих ваших приятелей мы можем узнать? – перебила его Крылова, – а заодно и контакты.

– Можете, конечно, – Бородин с готовностью кивнул, – только надо в моем телефоне посмотреть. Там заодно можно и фотографии глянуть. Я сперва много снимал, пока еще что-то соображал. Да! – молодой человек радостно хлопнул ладонью по столу. – На фотографиях же метки ставятся. И дата, и место съемки. Так что у вас полный расклад будет. Все, как вы любите.

Квартира встретила ее темнотой и молчанием. Включив свет в прихожей, Вика несколько мгновений стояла, затаив дыхание и вслушиваясь в окружающую ее тишину. Так и есть. Из-за закрытой двери спальни донеслось еле слышное посапывание. Значит, Жора лег спать, не дожидаясь ее. А ведь еще не так уж и поздно, нет и часа ночи. Крылова взглянула на циферблат. Точно, нет. Без двух минут. Вздохнув, она быстро разделась, бросив плащ прямо на тумбу перед зеркалом, и прошла на кухню. Ее тарелка с нетронутым ужином так и осталась стоять на столе. Рядом возвышалась откупоренная бутылка, из-под которой торчал небольшой об-

рывок бумаги.

Сделав еще шаг, Вика взяла бутылку в руки. Пустая. Чего и следовало ожидать. На клочке бумаги привычно корявым почерком Мясоедова было написано всего несколько слов.

«Хороший вечер. Мог быть. Спасибо».

Скомкав листок, Крылова, не глядя, отшвырнула его в сторону, схватила со стола бутылку и, опрокинув, прижала горлышко к губам, надеясь, что ей достанется хотя бы капля пьянящей влаги, которая, возможно, окажется в силах уменьшить жуткую боль, охватившую вдруг все тело, начиная от кончиков пальцев и заканчивая неровно бьющимся перепуганным сердцем.

Одинокий, почти безвкусный комочек влаги соскользнул ей на губы и тут же исчез, испарился, не успев достигнуть языка. Боль стала совершенно невыносима, а пустая бутылка вдруг превратилась в раскалённый добела сосуд, заполненный огненной лавой, которая уже готова была вырваться из горлышка, чтобы тут же попасть в горло своей жертве, сжечь его и двинуться дальше, вниз по организму, уничтожая его до тех пор, пока уничтожать окажется нечего.

Коротко вскрикнув, Вика отшвырнула бутылку в сторону. Кувыркнувшись в воздухе, она ударилась о стену и с грохотом разлетелась на десятки осколков, некоторые из которых, преисполненные злобной ярости, вернулись к Крыловой. Почувствовав, как кусочек стекла впился ей в щеку, Вика вновь вскрикнула. Выдернув осколок из кожи, она

несколько мгновение рассматривала окровавленный стеклянный треугольник, затем медленно опустилась на пол и, прислонившись спиной к равнодушно гудящему холодильнику, зарыдала.

Она не знала, сколько времени провела, сидя на полу, отчаянно зажмурившись и растирая по лицу слезы, смешанные с кровью, проступающей из пореза на левой щеке, оставленного маленьким стеклянным осколком разбившейся бутылки. Должно быть, довольно долго. Во всяком случае, достаточно долго для того, чтобы проснувшийся от разбудившего его шума Жора успел перебраться с кровати в коляску и прикатить к входу в кухню.

Вика почувствовала на себе его взгляд и повернула голову. Он смотрел на нее молча, немного сдвинув брови, отчего на лбу образовалась едва заметная вертикальная складка. Но это не был взгляд Жоры. Того Жоры, которого любила она, и который, как она верила, любил ее. Это был осуждающий, даже брезгливый взгляд уставшего, возвращающегося домой после тяжелой работы человека, встретившего в подъезде своего дома валяющегося на полу пьяницу.

Вике отчего-то вдруг сделалось стыдно. Она захотела сказать, что не пила вовсе, в отличие, между прочим, от самого Мясоедова. Что это она разочарованная и совершенно обесиленная вернулась домой. Что она вовсе не заслуживает ни этого взгляда, ни этого осуждающего молчания.

– Не... нет, – только и смогла пробормотать Вика.

– Я думал, к нам воры залезли, – равнодушным тоном отозвался Жора. – А оказывается, все в порядке.

Коридор был слишком узким, чтобы он имел возможность развернуться, поэтому Мясоедов сдал назад, медленно растворяясь в темноте. Несколько секунд спустя до Вики донесся его все такой же равнодушный голос:

– Спокойной ночи!

Еще через мгновение хлопнула закрывшаяся дверь спальни.

Глава 7

Среда, 19мая

Путь от входа в здание до кабинета учебной части Гене был уже известен. Постояв некоторое время под стеклянными сводами гигантского атриума и полюбовавшись снующими из стороны в сторону студентками, он отправился на третий этаж. Распахнув дверь, украшенную табличкой «Отдел сопровождения учебного процесса образовательных программ», Распашной уверенно двинулся к другой табличке, размером поменьше, сообщающей всем гостям кабинета, что за стоящим у окна столом работает не кто иной, как «Специалист УМР первой категории Лопухина Анастасия Владимировна».

– Мое почтение, – Гена плюхнулся на стул для посетителей, – при первом визите был так очарован вашей неземной красотой, что решил вернуться. Вы мне рады?

– Неправда, – покосилась на него девушка, не переставая стремительно щелкать пальцами по клавиатуре.

– Вы мне рады? Неправда, – Гена наморщил лоб, пытаясь наглядно продемонстрировать всю сложность происходящего у него в голове мыслительного процесса. – Станный у нас какой-то диалог получается. Тут надо в помощь либо филолога, либо бутылочку кьянти.

– Неправда то, что вы были мною очарованы, – девушка

бросила на него еще один короткий взгляд. – Я, когда была с вами в аудитории, обратила внимание, как вы на симпатичных студенток смотрите. У вас уголки губ немного подрагивают, вы, должно быть, подсознательно хотите им улыбнуться, но пытаетесь это скрыть. А еще челюсть...

– Что челюсть? – оперативник машинально потер подбородок. – С ней что не так?

– Нижняя челюсть, – перестав наконец печатать, Генина собеседница насмешливо улыбнулась, – вы ее вперед выпячиваете, чтобы она массивнее казалась. Так что, у вас ко мне какое-то дело?

– Дело? – Распашной еще раз провел рукой по отросшей за последние два дня щетине. – Ах, да, дело! Мне нужно пообщаться с одним вашим студентом. На сей раз четвертый курс, фамилия его Комаровский.

– Есть такой, – пальцы девушки вновь замелькали по клавиатуре. – Так, его группа сейчас в двадцать третьей аудитории. Вас проводить, или сами дойдете?

– Лучше проводить, – кивнул Гена, попытавшись изобразить самую дружелюбную улыбку из всех возможных.

Димы Комаровского в двадцать третьей аудитории не оказалось. Выяснив это не самое приятное для Распашного обстоятельство, Настя Лопухина вернулась в коридор и сообщила новость оперативнику.

– Да что ж такое, – Гена ударил стиснутой в кулак правой рукой по подставленной левой ладони, – как мне с кем-то

поговорить надо, так этот человек на занятия не ходит. Это ведь уже закономерность какая-то.

– Три, – коротко отозвалась Лопухина.

– Чего тереть? – растерялся оперативник.

– Один раз случайность, два – совпадение, а закономерность – это три, – улыбнулась девушка, – так говорят.

– Лучше бы мне кто-то сказал, где этого Комаровского найти можно, – недовольно пробурчал Гена. – У меня, кроме него, и так куча свидетелей не опрошенных.

– У них через пять минут занятия закончатся, вы со старостой группы поговорите, может, она вам поможет, – посоветовала Настя.

– Можно и со старостой, – без особого энтузиазма согласился Распашной.

– Да вы не грустите так, – подбодрила его сопровождающая. – Я с ней хорошо знакома, она девушка энергичная, даже если сама не знает, то быстро выяснит. К тому же она вполне в вашем вкусе. Так что у вас будет возможность поработать челюстью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.